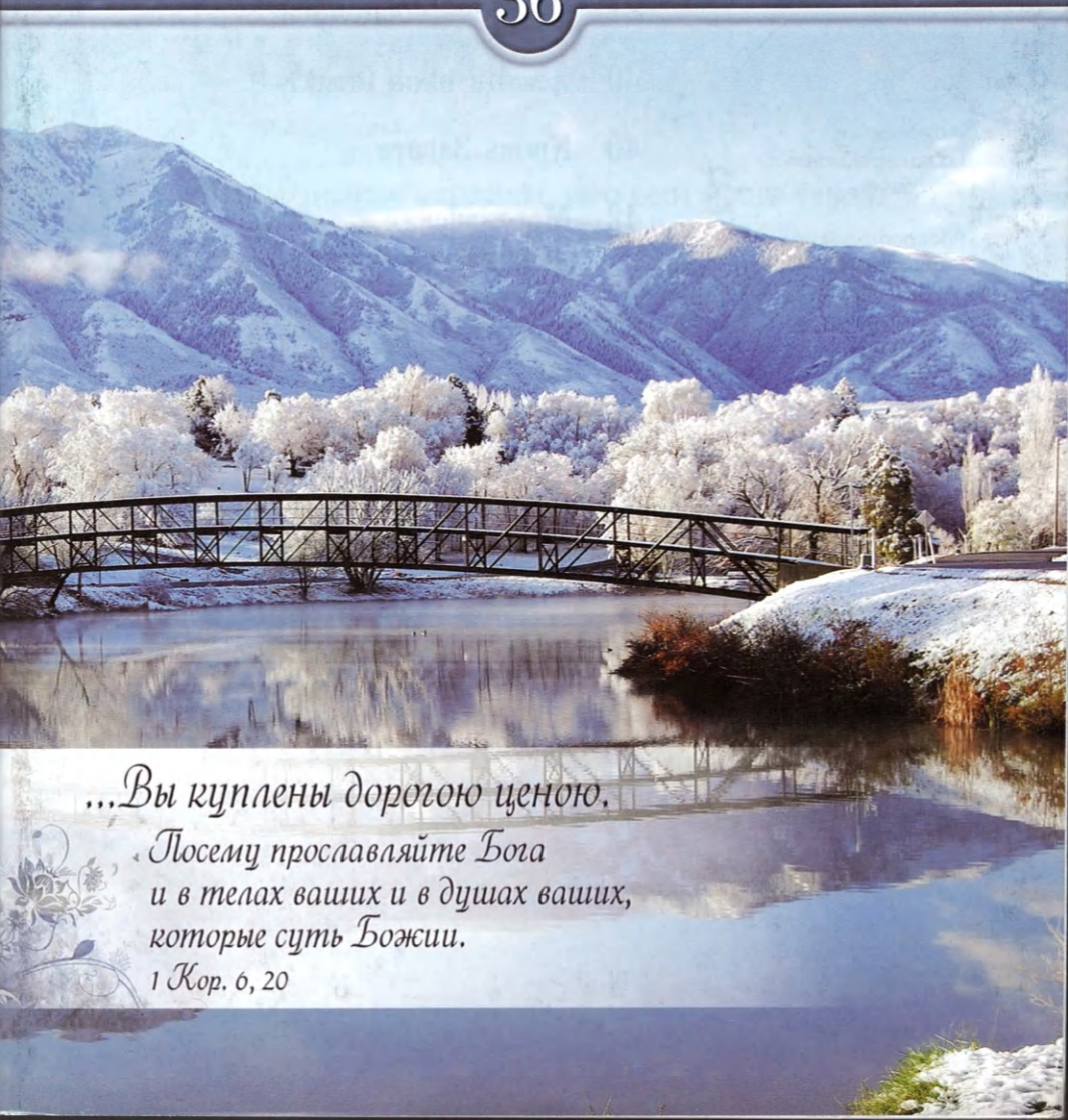
Господь... покоит меня на злачных пажитях
и водит меня к водам тихим.

Пс. 22, 1–2

Тихие воды

36



...Вы куплены дорогою ценою.
Посему прославляйте Бога
и в телах ваших и в душах ваших,
которые суть Божии.
1 Кор. 6, 20

Международный Союз Церквей Евангельских христиан баптистов

МСЦ ЕХБ · ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ ВЕРЫ

«...и не будь неверующим, но верующим» (Ин. 20:27)

Библиотека МСЦ ЕХБ

Проповеди, свидетельства, статьи. Основание веры и жизнь в слове.

Главный портал

Хронология событий

501 год истории, 492 события. Путь братства от 1525 года до сегодня.

История Церкви

Каталог книг & брошюр

Апологетика, свидетельства, наставления. Агнец Божий, Вернер Гитт и др.

Духовная литература

Реестр проповедей

840 текстовых проповедей. Слово на каждый день — от братьев и сестер.

Обновлено 03.05.2026

492	121	28	1525
СОБЫТИЙ	ЛЕТ ОХВАЧЕНО	КАТЕГОРИЙ	РАННЕЕ СОБЫТИЕ

✦ Присоединяйтесь к духовному общению ✦

Telegram · «Путь в Небо»

Канал в Максе · «Путь в Небо»

«Прощаю тебя, сынок. Прощаю» — эти 50 лет жизни с Богом не стёрли из сердца этого воспоминания. Оно звучало как "прощаю" от Господа.

— Свидетельство о маме, Нине Степановне Скорняковой

Библиотека проповедей, история братства, книги и хроника веры
«Блаженны не видевшие и уверовавшие» (Ин. 20:29)

Тихие воды № 36

Духовно-назидательный журнал Союза церквей евангельских христиан-баптистов

Издательство «Утренняя звезда» 2016

Издается на пожертвования верующих

Распространяется безвозмездно

Ваши отзывы, предложения и заказы ждем по адресу: 109125 Россия, Москва, А/Я 8 Петровой Галине Михайловне

СОДЕРЖАНИЕ

1 Счастливы святые

13 Будьте святы (стих)

14 О вечере Господней

40 Хлеб и вино (стих)

40 Кровь Завета

42 Мессианская надежда иудеев

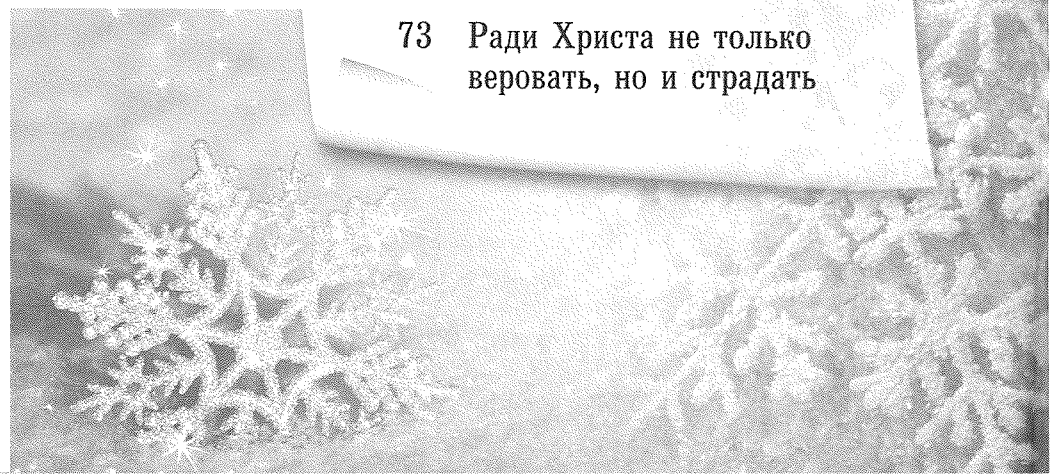
50 Величайший человек на земле

62 Истина и свобода (стих)

62 Основатель христианства

72 В мой тихий дом (стих)

73 Ради Христа не только веровать, но и страдать



Счастливы святые

Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.

Евангелие от Матфея 5, 8

Перед нами один из тех текстов, глубины которых поистине неисчерпаемы, а значимость трудно переоценить. Этот удивительный стих занимает достойное место в ряду величайших библейских высказываний.

Тема святости и сердечной чистоты прослеживается в Библии от Бытия до Откровения. Она бесконечно обширна и в той или иной степени затрагивает все остальные библейские истины. Ее невозможно объяснить или изложить до конца, поэтому рассуждения в этой статье будут носить скорее вводный характер.

КОНТЕКСТ

Исторический контекст

Когда Иисус начинал служение, Израиль находился в отчаянном положении, причем не только в духовном отношении, но и в политико-экономическом. На протяжении сотен лет, за исключением нескольких коротких периодов свободы, он находился под гнетом оккупантов. Экономический потенциал страны не мог развиваться, поскольку большая часть доходов отправлялась в налоговую копилку Рима. И, видя это, каждый израильтянин переживал за свою родину.

Менее заметная проблема, впрочем, была куда более серьезной. Больше, чем от политической и экономической несвободы, Израиль терпел от проблемы духовного обнищания и отступления от Бога. А ее-то как раз многие и не замечали. Иудейские вожди полагали, что в религиозном отношении им бояться нечего, а Мессия, придя, разберется с проблемами политическими и экономическими. Однако, когда Мессия пришел, Его заботила только духовная проблема — проблема людских сердец.

Во дни Христа самой влиятельной религиозной силой в иудаизме были фарисеи. Именно они управляли системой законов и обрядов, господствовавшей в иудейском обществе, и способствовали ее распространению. Веками раввины один за другим толковали и перетолковывали Священное Писание, особенно закон, до тех пор пока их труды, известные как «предания старцев», не стали пользоваться бóльшим авторитетом, чем само Писание. Суть этих преданий составлял свод запретов и повелений, настолько разросшийся с течением времени, что подчинил себе практически все области жизни.

Любому здравомыслящему иудею было понятно, что безукоризненное соблюдение всех религиозных требований невозможно. А раз весь закон соблюсти невозможно, то у людей развивалось чувство вины, разочарования и смятения. Религия была для них жизнью, но они были не в состоянии соблюсти все ее требования. Впоследствии некоторые стали учить, что если исполнять в совершенстве всего несколько заповедей, то Бог поймет и не осудит. Когда же и это оказалось невозможным, планку снизили всего до одной, но соблюдаемой безукоризненно.

Возможно, именно об этом думал законник, спросивший Иисуса: «Учитель! какая наибольшая заповедь в законе?» (Матф. 22, 36). Быть может, он хотел узнать, какую из многих сотен заповедей Иисус считал самой важной, соблюдение которой спасет человека, даже если он нарушит все остальные.

Авторитарность и безвыходность сложившейся религиозной системы, наверное, сыграла не последнюю роль в первоначальной популярности Иоанна Крестителя. Он в корне отличался от книжников, фарисеев, саддукеев и священников и даже не думал утруждать себя соблюдением большинства религиозных традиций. Он был как глоток свежего воздуха в душной, беспросветной системе запретов

и требований. Может быть, в учении этого пророка они найдут то, что искали! Народу нужен был не новый раввин с очередной заповедью, а кто-то, кто показал бы, как получить прощение за уже нарушенные законы. Люди хотели узнать истинный путь к спасению, к миру с Богом и к освобождению от греха. Они знали, что в Писании был предсказан Тот, Кто придет не взыскивать, а освобождать; не увеличивать бремена, а помочь нести их; не усугубить вину, а снять ее. Очевидно, именно поэтому многие сочли, что Иоанн Креститель и есть Мессия.

Из пророчеств Иезекииля народ знал, что однажды Бог придет и окропит их души водой, и они очистятся от греха и взамен каменных сердец получат плотяные (Иез. 36, 25–26). Они слышали свидетельство Давида: «Блажен, кому отпущены беззакония и чьи грехи покрыты! Блажен человек, которому Господь не вменит греха, и в чьем духе нет лукавства!» (Пс. 31, 1–2). Все это они знали и жаждали испытать на деле.

Жаждал этого и Никодим, фарисей и «один из начальников иудейских», то есть член синедриона, еврейского верховного суда. Что привело его к Иисусу, точно не известно, поскольку первые его слова представляют собой не вопрос, а, скорее, утверждение. Ночной визит предполагает, что он боялся быть замеченным с Иисусом. Однако нет причины сомневаться в искренности его слов, выдающих необычайную духовную проницательность: «Равви! мы знаем, что Ты — Учитель, пришедший от Бога; ибо таких чудес, какие Ты творишь, никто не может творить, если не будет с ним Бог» (Иоан. 3, 2). Никодим понимал, что, кем бы ни был Иисус, Он был послан от Бога.

Вопрос, хотя и не высказанный, но беспокоивший Никодима, виден из его признания и из ответа Христа. Господь знал, что у Никодима на сердце, и потому сказал: «Истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия» (ст. 3). Никодим хотел знать, как угодить Богу, как обрести прощение. «Что нужно для праведности? — думал он. — Как обрести искупление и стать дитем Божьим? Как войти в Царство Небесное?» Не будь у него настойчивого стремления узнать Божью волю, он не рискнул бы прийти к Христу даже ночью. Никодим был достаточно честным, чтобы признать свою греховность. Он был фарисеем, учителем

закона, одним из начальников синедриона, но в душе он понимал, что все это нисколько не оправдывает его перед Господом.

Некоторые из очевидцев того, как Иисус накормил несколько тысяч человек у Галилейского моря, впоследствии спрашивали Его: «Что нам делать, чтобы творить дела Божии?» (Иоан. 6, 28). Их беспокоил тот же вопрос, что и Никодима: «Как получить оправдание? Как угодить Богу?» Как и Никодим, они перепробовали множество обрядов и ритуалов. Они соблюдали все праздники и приносили требуемые законом жертвы, они пытались следовать заповедям и преданиям и в то же время чувствовали, что чего-то не хватает — чего-то важного, о чем они даже не слышали и уж тем более никогда не испытывали.

Лука повествует о еще одном законнике, спросившем Христа: «Учитель! что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?» (Лук. 10, 25). Вопрос был задан с подвохом, чтобы искусить Иисуса (ст. 25), а услышав ответ, законник попытался «оправдать себя» (ст. 29). Но, несмотря на притворность, вопрос был правильный, будораживший и многие искренние сердца.

О том же спросил Иисуса богатый юноша: «Учитель благий! что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?» (Лук. 18, 18). По всей видимости, он был искренен, но он не был готов на такую жертву. Мирское богатство оказалось для него дороже богатств вечной жизни, и он удалился в печали (ст. 23). Он знал, что помимо видимого послушания закону, в чем он весьма преуспел (ст. 21), требуется нечто большее. При всей своей набожности и стараниях он не был уверенным в том, что имеет жизнь вечную. Он искал Царства Божьего, но не искал его прежде всего остального (Матф. 6, 33).

Другие ставили вопрос так: «Каким нужно быть, чтобы войти в Царство Божье? Каков эталон для вечной жизни?» Все они — искренние и неискренние, понимающие истину и не очень — знали, что желаемого достичь не могут. Многие сознавали, что даже одну заповедь в совершенстве они не соблюли. А самые честные понимали, что и не смогут никогда ни одной заповеди исполнить в совершенстве и потому не способны угодить Господу.

Но Иисус пришел как раз для того, чтобы дать ответ. С этой же целью Он дал Заповеди блаженства. Он просто и ясно показал, как грешный человек может примириться со святым Богом.

Литературный контекст

На первый взгляд эта заповедь может показаться стоящей не на своем месте, случайно затесавшейся в строгую последовательность остальных истин. По причине крайней важности ей, казалось бы, больше подошло бы место вначале — как основание, или в конце — как кульминация всех блаженств.

Тем не менее, шестая заповедь блаженства, как и любая другая часть Слова Божьего, стоит на своем месте. Она чудесным образом вписывается в общую последовательность божественных истин. Это вершина Заповедей блаженства, центральная истина, к которой ведут предыдущие и из которой логически вытекают оставшиеся.

ЗНАЧЕНИЕ

Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят (Матф. 5, 8).

Слово «блаженны» подразумевает состояние полного благополучия, сопутствующее спасению; это состояние человека, примирившегося с Господом. Принятие Богом сопровождается внутренним преобразованием.

Слово «сердце» — в переводе с греч. *кардиа*, от которого образовано множество слов, например, «кардиология». В Писании, как и во многих культурах и языках, сердце нередко метафорически обозначает внутреннюю сущность, средоточие мыслей и побуждений — то есть саму личность человека. Однако в Библии сердце связано не только с эмоциями и чувствами, но и с мыслительным процессом и особенно с волей. В Притчах, например, сказано: «каковы мысли в душе [букв. *сердце*] его, таков и он...» (23, 7). Иисус спрашивал книжников: «Для чего вы мыслите худое в сердцах ваших?» (Матф. 9, 4). Таким образом, сердце является центром управления разумом, волей и чувствами.

В противоположность показной, поверхностной, лицемерной религии книжников и фарисеев, Иисус утверждал, что Бог требует чистоты во внутреннем человеке, то есть в самом центре человеческого бытия. Истина эта была не нова, но она затерялась среди традиций и обрядов. «Больше всего хранимого храни сердце твое, потому что из него источники жизни»,— поучал автор Книги Притчи (4, 23). Да и первый мир был уничтожен потопом именно

из-за нечистых сердец. «Увидел Господь, что велико развращение человеков на земле и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время» (Быт. 6, 5).

Давид признал перед Господом: «Вот, Ты возлюбил истину в сердце и внутрь меня явил мне мудрость», и затем молился: «Сердце чистое сотвори во мне, Боже, и дух правый обнови внутри меня» (Пс. 50: 8, 12). Асаф провозглашал: «Как благ Бог к Израилю, к чистым сердцем!» (Пс. 72, 1). А Иеремия писал: «Лукаво сердце человеческое более всего и крайне испорчено; кто узнает его? Я, Господь, проникаю сердце и испытываю внутренности, чтобы воздать каждому по пути его и по плодам дел его» (Иер. 17, 9–10). Злые дела и привычки берут начало в сердце и разуме («сердце» и «внутренности» здесь — синонимы). Иисус говорил: «Из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления — это оскверняет человека...» (Матф. 15, 19–20).

Господь всегда обращал внимание прежде всего на внутреннюю суть человека — на состояние сердца. Перед тем как поставить Саула первым царем Израиля, «Бог дал ему иное сердце» (1 Цар. 10, 9). Ранее Саул был атлетичным, привлекательным, но не более, и в скором времени он начал возвращаться к старому. Понадеявшись на свои силы, он избрал путь непослушания. Помимо других проступков, Саул возомнил, что может взять на себя роль священника и начать приносить жертвы (13, 9), а также, вопреки Божьему повелению, отказался уничтожить всех амаликитян и принадлежавшее им имущество (15, 3–19). В итоге, Господь лишил его власти и передал царство Давиду (15: 23, 28). Неправедные поступки Саула объяснялись противлением его сердца, и нас Господь тоже оценивает по состоянию сердца (16, 7).

О руководстве Давида же над Израилем было сказано: «он пас их в чистоте сердца своего и руками мудрыми водил их» (Пс. 77, 70–72).

Господь отнял у Саула царство, потому что Саул не захотел подчиняться данному Богом «новому сердцу», и отдал власть Давиду — «мужу по сердцу Своему» (1 Цар. 13, 14). Давид был особенно дорог Богу, потому что Бог был особенно дорог ему. «Буду славить Тебя, Господи, всем сердцем моим»,— пел он (Пс. 9, 2). Его глубочайшим желанием было: «Да будут слова уст моих и помышление сердца моего благоугодны пред Тобою, Господи, Твердыня моя и Избавитель

мой!» (Пс. 18, 15). Он молился: «Искуси меня, Господи, и испытай меня; расплавь внутренности мои и сердце мое» (Пс. 25, 2). Когда Господь повелел Давиду искать лица Его, он ответил: «Буду искать лица Твоего, Господи» (Пс. 26, 8).

Однажды, спасаясь от Саула, Давид пришел в Геф к филистимлянам. Почувствовав, что его жизнь и здесь подвергается опасности, он «притворился безумным в их глазах, и чертил на дверях, и пускал слюну по бороде своей» (1 Цар. 21, 13). Приняв Давида за сумасшедшего, филистимляне отпустили его, и он поспешил укрыться в пещере Одоллам. Когда он пришел в себя, то понял, как глупо было надеяться на филистимлян, вместо того чтобы искать помощи у Господа. После этого он написал 56-й Псалом, в котором свидетельствовал: «Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое...» (ст. 8). Все свое сердце, без остатка, он заново посвятил Богу. Давид не раз ошибался, но его сердце было устремлено к Господу.

Слово «чистые» — в переводе с греч. *катарос*, главное значение которого — очищать от грязи, мусора и вредных примесей. В современном языке от него происходит термин «катарсис», означающий очищение разума и эмоций в психиатрии и психоанализе.

Это греческое слово нередко использовалось по отношению к металлам, переплавляемым для очистки от примесей. В этом смысле чистота означает что-либо несмешанное, неосквернённое, без примесей, а применительно к сердцу — преданное, верное, нелицемерное, подлинно праведное.

Двоедушие всегда было большой бедой в Церкви. Как часто нам хочется служить Господу, в то же время не оставляя путей мира! Но это невозможно, как предупреждал Иисус: «Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть» (Матф. 6, 24). Иаков ту же мысль выражает иначе: «Не знаете ли, что дружба с миром есть вражда против Бога? Итак, кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу» (Иак. 4, 4). И затем предлагает такое решение: «Очистите руки, грешники, исправьте сердца, двоедушные» (ст. 8).

Христиане имеют правильное отношение к Богу. И хотя нам не всегда удается быть до конца преданными Ему, мы, по крайней мере, стараемся. И вместе с Павлом мы признаем: «Ибо не понимаю,

что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю. Итак, я нахожу закон, что, когда хочу делать доброе, прилежит мне злое. ...Итак, тот же самый я умом моим служу закону Божию, а плотию — закону греха» (Рим. 7: 15, 21, 25). Мотивы Павла были чисты, хотя живущий во плоти грех иногда брал верх над его духовными устремлениями.

Кто принадлежит Господу, тот обязательно будет жаждать духовной чистоты. Классическое описание такого желания — Псалом 118, а обратная сторона этого желания показана Павлом в Рим. 7, 15–25. Искупленный человек всем своим существом стремится к святости, даже когда этому стремлению мешает грех.

Сердечная чистота больше, чем искренность. Из самых искренних побуждений люди порой совершают греховные, бездумные поступки. Языческие пророки, выступавшие против Илии, продемонстрировали завидную искренность, когда стали колоть себя пиками, чтобы Ваал послал огонь на их жертвенник (3 Цар. 18, 28). Однако их искренность не привела к ожидаемым результатам и даже не позволила заметить собственное заблуждение — потому что они так искренно верили в это заблуждение. Искренние приверженцы ложных религий, чтобы доказать свою духовную силу, ходят босиком по гвоздям. Другие,— в знак верности какому-нибудь святому или святыне,— истекая кровью и корчась от боли, сотни метров ползут на коленях. Однако их искреннее служение — искренняя ошибка, и перед Богом оно ничего не стоит.

Книжники и фарисеи думали, что могли угодить Богу, давая десятину «с мяты, аниса и тмина», но при этом «оставили важнейшее в законе: «суд, милость и веру» (Матф. 23, 23). Они весьма щепетильно относились к соблюдению обрядов, но не обращали внимания на внутреннюю жизнь. «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что очищаете внешность чаши и блюда, между тем как внутри они полны хищения и неправды. Фарисей слепой! Очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внешность их» (ст. 25–26).

Даже самые лучшие поступки не имеют духовной ценности, если не исходят из чистого сердца. Один проповедник писал: «Порядочность способна утопить человека не хуже порока. Кувшин с золотом тонет точно так же, как и кувшин с навозом». Можно быть очень религиозным и делать много хороших дел, но Богу не угодить, если сердце перед Ним неправо.

Высший критерий чистоты сердца — это его совершенство. В той же самой проповеди, в которой Иисус изложил Заповеди блаженства, Он сказал: «Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Матф. 5, 48). Божий критерий для нашего сердца — стопроцентная чистота.

Но люди охотнее мирятся с противоположным критерием. Нам проще сравнивать себя с худшими, чтобы в своих глазах выглядеть лучше. И фарисей, молившийся в храме и благодаривший Бога за то, что не таков, как прочие люди, считал себя праведным только потому, что не был шарлатаном, прелюбодеем или мытарем (Лук. 18, 11). Мы все чувствуем себя немного героями, когда слышим о чужих преступлениях, которых сами никогда в жизни не совершали. «Добропорядочные» граждане презирают менее добропорядочных, а те, в свою очередь,— таких, кто хуже них. Доведенная до крайности, эта спираль осуждения опустится на самого жалкого негодяя — он-то как раз и будет тем эталоном, с которым сравнивает себя весь мир!

Но Бог предлагает иной эталон — Самого Себя! И ни один человек не может соответствовать требованиям Бога, пока не станет настолько же чистым, святым и совершенным, как Сам Бог. Только чистые сердцем войдут в Царство Небесное. «Кто взойдет на гору Господню?.. — вопрошает Давид. — Тот, у которого руки неповинны и сердце чисто...» (Пс. 23, 3–4).

Порочное сердце — главная причина разделения человека с Богом. «Вот, рука Господа не сократилась на то, чтобы спасать, и ухо Его не отяжелело для того, чтобы слышать. Но беззакония ваши произвели разделение между вами и Богом вашим, и грехи ваши отвращают лицо Его от вас, чтобы не слышать» (Ис. 59, 1–2). И как нечистое сердце препятствует нашему общению с Богом, так чистое сердце через Иисуса Христа примиряет нас с Ним.

По существу все вероисповедания или религии, кроме библейского христианства, построены на человеческих достижениях. Хотя они весьма разнообразны, в них можно выделить два наиболее популярных подхода: первый — это «религия разума», уповающая на доктрины и религиозное знание; а второй — «религия дел»,

уповающая на добрые дела. Только истинное библейское христианство основано на духовной чистоте, даруемой Самим Богом. Верой в то, что Господь совершил через Своего Сына Иисуса Христа, «мы имеем искупление Кровию Его, прощение грехов, по богатству благодати Его» (Еф. 1, 7). Вменяя нам Свою праведность, Бог вместе с ней вменяет нам и Свою святость.

В Писании раскрываются шесть видов святости. Первый можно назвать *первичной* святостью. Ею обладает только Бог. Она — Его неотъемлемое свойство, как неотъемлемое свойство солнца — свет, а воды — влажность.

Следующий вид — *первозданная* святость. Ею обладало творение до грехопадения. Бог сотворил ангелов и человека абсолютно чистыми, но, к несчастью, некоторые из ангелов и вслед за ними все человечество отступили от этой святости.

Третий вид святости — *вмененная* — дается в момент принятия человеком Христа как личного Спасителя. Когда мы уповаем только на Него, Бог вменяет нам праведность и святость Христа. «А не делающему, но верующему в Того, Кто оправдывает нечестивого, вера его вменяется в праведность» (Рим. 4, 5; Гал. 2, 16). С этого дня Небесный Отец видит нас так, как Своего Сына Иисуса,— абсолютно праведными и непорочными (2 Кор. 5, 21; Евр. 9, 14).

Но вмененная святость — не пустой звук; вместе с ней в возрожденном сердце появляется четвертый вид святости — *фактическая*, или реальная (2 Петр. 1, 3; Рим. 6, 4–5; 8, 5–11; Кол. 3, 9–10). Иначе говоря, без освящения нет оправдания. Каждый верующий становится новым творением (2 Кор. 5, 17). Павел объясняет, что, когда верующий грешит, причиной тому не новое естество, а грех, обитающий в ветхой плоти (Рим. 7: 17, 19–22, 25).

Пятый вид — *практическая* святость. Ее достичь, конечно, труднее всего, и для этого от нас требуется максимальное усердие.

Только Бог обладает первичной святостью. Только Он может даровать святость первозданную, окончательную, вмененную или фактическую. Что же касается святости практической, она, хотя и исходит от Бога, но как никакая другая требует величайших усилий с нашей стороны.

Вот почему апостол Павел так настойчиво призывает: «Возлюбленные, имея такие обещания, очистим себя от всякой скверны

плоти и духа, завершая наше освящение в страхе Божьем» (2 Кор. 7, 1, *перевод с греч.*). А Петр умоляет: «Как послушные дети, не сообразуйтесь с прежними похотями, бывшими в неведении вашем, но, по примеру призвавшего вас Святого, и сами будьте святы во всех поступках, ибо написано: „Будьте святы, потому что Я свят“» (1 Петр. 1, 14–16).

Спасение подразумевает не только будущее освящение на небесах, но и настоящее — на земле. Конечно, земное освящение будет в лучшем случае как золото с примесью железа и глины или как белые одежды, подшитые черными нитками. Однако Господь ждет от нас максимальных усилий. Если нам неведома духовная чистота, то мы либо вовсе не принадлежим Христу, либо живем в непослушании. Нас будут подстерегать многие искушения, но Бог всегда даст возможность перенести их (1 Кор. 10, 13). И даже в случае поражения, «если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит нас от всякой неправды» (1 Иоан. 1, 9).

Наконец, однажды верующие обретут *окончательную* святость — состояние совершенной чистоты, которое искупленные будут иметь на небесах после облечения в славу Господню. Все грехи будут полностью и безвозвратно омыты, и мы «будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть» (1 Иоан. 3, 2).

ПУТЬ К СВЯТОСТИ

За многовековую историю Церкви предлагалось немало путей к достижению духовной чистоты и святости. Некоторые ратовали за монашество — удаление от повседневных забот и мирских похотей и полное посвящение размышлению и молитве. Другие утверждали, что освящение — это второе действие благодати, чудесным образом искореняющее в человеке не только грехи, но и саму греховную природу, таким образом делая возможной безгрешную жизнь на земле. Однако ни Писание, ни сама жизнь не позволяют согласиться с такими взглядами. Проблема греха заключается главным образом не во внешнем зле, а во внутренне присущей нам порочности, от которой и в келье не спасешься.

Однако Господь никогда не требует того, о чем Сам Он прежде не позаботился. Он поможет жить праведно, но сначала мы должны

признать свою полную неспособность даже один миг прожить свято без Его помощи и поддержки. «Кто может сказать: „я очистил мое сердце, я чист от греха моего“?» (Притч. 20, 9). Ответ напрашивается сам собой: «Никто». Эфиоплянин не может переменить кожу свою, и барс — пятна свои (Иер. 13, 23). Очищение начинается с признания бессилия. Только после этого бессилие замещается Божьей силой.

Во-вторых, мы должны пребывать в Божьем Слове. Без Божьего Слова не уклониться от Его воли невозможно. Иисус говорил: «Вы уже очищены через слово, которое Я проповедал вам» (Иоан. 15, 3).

В-третьих, чрезвычайно важно жить под водительством Духа Святого. В Послании к Галатам (5, 16) ясно сказано: «Поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожделений плоти».

В-четвертых, мы должны молиться. Невозможно повиноваться Божьей воле или понимать и соблюдать Его Слово без общения с Ним. «Всякой молитвой и прошением молитесь во всякое время духом...» (Еф. 6, 18; Лук. 18, 1; 1 Фес. 5, 17). Вместе с Давидом мы восклицаем: «Сердце чистое сотвори во мне, Боже...» (Пс. 50, 12).

РЕЗУЛЬТАТ СВЯТОСТИ

Большое благословение для чистых сердцем заключается в том, что таковые Бога узрят. С греческого эту фразу можно было бы перевести так: «Ибо они будут постоянно видеть Бога своими глазами». Только они (усилительное местоимение *аутос*) — только чистые сердцем увидят Бога. Близкое общение и познание Господа предназначается лишь для чистых сердец.

Когда при обращении к Христу наши сердца очищаются, мы начинаем жить в присутствии Господа. Мы начинаем постигать Его нашими духовными очами. Подобно Моисею, который увидел славу Божью и хотел видеть ее еще и еще (Исх. 33, 18), человек, чье сердце очищено Иисусом Христом, будет стремиться снова и снова видеть Его славу.

Надежда увидеть Господа вдохновляла и ветхозаветных святых. Как и Моисей, Давид тоже хотел постоянно лицезреть Бога: «Яви светлое лице Твое рабу Твоему; спаси меня милостью Твоею» (Пс. 30, 17). Иов возрадовался, когда смог наконец-то сказать: «Я слышал о Тебе слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя» (Иов. 42, 5).

Сердечная чистота открывает духовные очи, и Бог как бы становится видимым. Невежество — вернейший признак нечистого сердца, потому что грехом затуманивается истина (Иоан. 3, 19–20). Зло и невежество идут рука об руку. Другие признаки нечистого сердца — это эгоизм (Откр. 3, 17), наслаждение грехом (2 Тим. 3, 4), неверие (Евр. 3, 12) и ненависть к святости (Мих. 3, 2). Дети Божьи отвергают все это в обмен на праведность и чистоту.

...Будьте святы во всех поступках.

1 Петр. 1, 15

Будьте святы

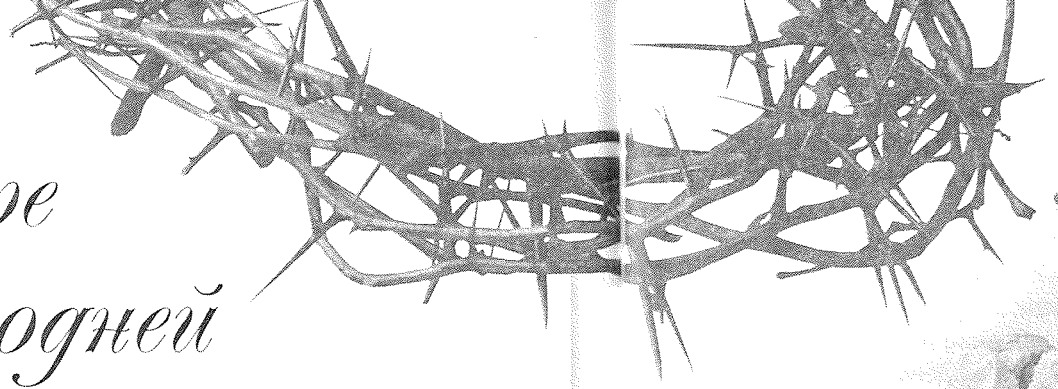
Будьте святы, святость — Божье повеленье,
Святость — с неба от Творца для всех набат,
Будьте святы, святость — Бога отраженье,
Будьте святы, потому что Бог ваш свят.

Будьте святы, грех оставьте в покаянье,
Гордость сбросьте на обочине дорог,
В сердце идолов разбейте изваянья,
Грех — все то, где не на первом месте Бог.

Будьте святы, Божьей силой освящайтесь,
Бог — есть свет для вашей жизни на века,
Богу каждое мгновенье посвящайте,
Вас тогда поддержит Божия рука.

Будьте святы, свет небес храните строго,
Святость — сила, жизни чистая вода,
Будьте святы, в вере следуя за Богом,
Чтоб без Бога не остаться никогда.

Будьте святы, святость — к вечности дорога,
Святость — дождь благословений золотой,
Будьте святы, принадлежны к Царству Бога,
Ведь Господь всегда — и верный, и святой.



О вечере Господней

Многим из нас известен Божий служитель — Яков Григорьевич Скорняков, испытавший в своей жизни бремя и страдания тюремного заключения. Находясь в заключении за имя Христово, сердцем он оставался со своими родными и близкими, наставляя их в письмах. Не оставляли его и сердечные переживания о духовном состоянии и чистоте церкви. Результатом этих тревог о церкви стала одна из проповедей Якова Григорьевича, написанная в узах,— о вечере, которая представлена в данной статье.

Возлюбленные в Господе и родные мои через любовь и крестные муки Его! Уже давно имею побуждение в сердце побеседовать с вами на тему о вечере Господней. И тем более Дух Святой побуждает сделать это перед великой пасхальной вечерей, в которой предстоит многим из вас участвовать или не участвовать. Основанием для беседы будут три места Святого Слова: Иоанна 6, 48–63; 2 Коринфянам 7, 1–7; Евреям 10, 15–35.

Пусть эту беседу не читают и не слушают те, кому она заранее кажется утомительно-длинной; те, которые считают, что и сами все хорошо знают; те, кто думает, что во всем поступает правильно и достойно.

Беседа эта пишется прежде всего для живых и искренних сердец, которые постоянно заботятся как о своем духовном состоянии, так и о состоянии своих братьев и сестер — членов Церкви Христовой. Она пишется для тех, кто не почитает себя достигшим, а стремится познавать лучшее (Фил. 1, 10–11; 3, 13), для тех, кто по недостатку внимания к Духу Святому и личного глубокого исследования Слова Божьего сверх меры полагается на мнение других членов или служителей и участвует или не участвует, исполняя только заповедь: «Сие творите...», не рассуждая о Теле и Крови Господней. Эти слова пишутся для тех, кто сегодня желает, чтобы Божий свет пролился на это великое служение святыни и наше участие в ней. А также они пишутся для тех, кто не будет поверхностно пробегать глазами по этим страницам,

выискивая лишь ошибки в изложении или моменты для критики и опровержения, а будет вдумчиво и серьезно размышлять над каждой прочитанной мыслью и стихом из Его Слова, приводимого здесь, чтобы извлекать драгоценное из малого и возрастать в познании и всяком чувстве во славу Его и во благо душе своей.

Важность вечери и ее внешние стороны

Среди нескольких основных видов служения Церкви Христовой одно из важных мест после покаяния, возрождения, крещения, рукоположения занимает служение совершения вечери Господней, или, как ее еще называет Писание,— преломлением хлеба (Д. Ап. 20, 7), трапезой Господней (1 Кор. 10, 21), святыней (2 Кор. 7, 1; Евр. 10, 29), новым заветом (Матф. 26, 26–28; Лук. 22, 19–20).

Когда после тяжких лет отступления от истины в общинах ВСЕХБ началось пробуждение, мы, начиная служение по очищению, освящению и освобождению церкви, в одном из основных принципов записали: «Совершение вечери в церкви возможно только лишь при наличии мира и чистоты». Как сам предмет вечери Господней, так и принцип ее совершения подробно рассматривали на основании Слова Божьего. И сегодня нет необходимости всю эту тему рассматривать так же подробно, как и вначале, если этот принцип не предан забвению или не заменен каким-то новым, более совершенным.

Но для многих вновь принятых за эти двадцать лет, или приехавших из других мест, или присоединившихся из зарегистрированной общины кратко упомяну о некоторых внешних сторонах трапезы Господней и участия в ней.

• В Библии нигде нет указания, чтобы совершать вечерю Господню только один раз в месяц. Первая церковь вначале совершала вечерю постоянно (Д. Ап. 2, 42). А из Деяния апостолов 20, 7 мы видим, что совершали ее в первый день недели, то есть в воскресенье.

• В день вечери стараться привезти в собрание больных, стареньких и инвалидов, способных побыть в собрании. В тот же день совершать служение на дому у членов, которые по физической немощи никак не могут быть в собрании.

• Хлеб готовить пшеничный.

• Вино употреблять чисто виноградное.

• Каждому члену церкви готовиться к вечере благоговейно и со страхом Божьим, не только внутренне, но и внешне, то есть быть в чистой и опрятной одежде, омыв тело водою чистою (Евр. 10, 22).

• Семейным перед вечерей воздерживаться от супружеской близости (1 Кор. 7, 5).

• После участия в вечере приветствовать друг друга святым целованием в уста (1 Кор. 16, 20).

• Вечеря должна совершаться служителями.

• Членам церкви, особенно служителям, очень желательно перед вечерей в утренние часы быть в посте и молитве.

• Избранным братьям и сестрам после вечери проводить беседы с неучаствовавшими членами.

• Совершать дополнительно вечерю с вновь принятыми в церковь, если крещение они принимали не в день перед вечерей. И еще в некоторых случаях по решению членского собрания совершать вечерю.

Духовное содержание и важность вечери Господней

В чем же заключается духовное содержание и важность этой Христовой заповеди, или, как сказал Иисус, воспоминания (Лук. 22, 19–20; 1 Кор. 11, 23–25)?

Что происходит с внутренним человеком каждого члена церкви и всей церкви, когда принимается хлеб и вино? Какая духовная сила и жизнь заключаются в трапезе Господней, что следует за ней, когда она совершается и принимается достойно, благоговейно, в чистоте, со страхом Божьим и умилением, в мире с Богом и друг с другом, с искренним сердцем, с полной верой?

1. Воспоминание. Живым христианам всегда свойственно помнить Спасителя Христа, но, наверное, никогда живее, ближе, прочувствованнее не вспоминается Он, как при совершении вечери и участии в ней. Поэтому и сказал Он не один раз: «Сие творите в Мое воспоминание».

2. Участие в страданиях Его. Если мы так глубоко и сердечно вспоминаем о Нем и Он принимается нами как частица Тела и Крови Его, то, безусловно, происходит и участие в Его страданиях. Мы как будто сами ходим вместе с Петром, Иоанном, Марией и другими по следам крестных мук Его от Гефсимании до гроба в саду Иосифа и умиляемся, и сокрушаемся, и плачем и болеем с Ним, и сочувствуем Ему, как бы сами находясь с Ним.

А без участия в Его страданиях мы внутренне умираем, перестаем быть живыми членами Тела Его и превращаемся в номинальных христиан в противовес христианам, живым духом (1 Петр. 4, 13–16; Рим. 8, 16–18; 2 Тим. 2, 8–10).

Вот что значит вкушать Иисуса Христа (мы говорим, повторяю, о духовном действии, проявляющемся в достойном участии в вечере, перенесении страданий лично, за имя и дело Христово и соучастии со страдающими (Евр. 10, 32–34; 13, 3).

3. Возвещение Его смерти (1 Кор. 11, 26). Каждый маленький кусочек хлеба и каждая капля вина говорит о мучительной агонии Христа, о том, что целое было разорвано на части, живое стало мертвым; смерть повеяла холодом могильным и придавила тяжелой плитой печальной разлуки.

4. Благословение (1 Кор. 10, 16). Каждое искреннее дитя Божье, вкушая вечерю, всем своим существом ощущает благословение, радость в духе, утешение в сердце, ревность и силу в служении.

5. Причастие и приобщение к Телу и Крови Его (1 Кор. 10, 16; Иоан. 6, 56), хотя внешне хлеб остается хлебом, и вино не превращается в Кровь.

6. Пополнение сил духовных и соединение в одно с Ним и с другими членами церкви (Иоан. 6, 50–58; 1 Кор. 10, 17; Еф. 4, 15–16). Это не просто внешняя форма, обряд или обычай, но истинная любовь и полнота жизни, умножение всяких взаимно скрепляющих связей с Ним и со всеми искренними членами Тела Его. От Него исходит — нами принимается, в нас претворяется — получается приращение и созидание самого себя, семьи, поместной церкви, народа Божьего.

Желание Спасителя и Создателя Церкви состоит в том, чтобы взыскать и спасти погибшее (Лук. 19, 10), собрать воедино (Иоан. 10, 15–16; 17, 9–23), уничтожить вражду, отчуждение, различия, преграды между Богом и человеком, между человеком и человеком, национальное, половое, имущественное, религиозное, политическое и создать святой храм в Господе

(Еф. 2, 10–22). Не просто создать общество, организацию, новую религию, а Тело-организм, в котором Он Глава, Невесту, единственную, для которой Он Жених. Все из Него, в Нем и к Нему. В нас должны быть одни чувствования со Христом и друг с другом, единомыслие по учению Его (Рим. 15, 5–7; Еф. 4, 1–6; Фил. 2, 1–5; 1 Кор. 1, 5–10), послушание друг другу в страхе Божьем и забота друг о друге как о самом себе (Еф. 5, 21; Рим. 15, 1–3; 1 Кор. 10, 31–33).

Что значит есть и пить вечерю Господню достойно?

Пожалуй, для большинства читающих и слушающих из вышесказанного уже все стало понятно, и остается лишь немного дополнить, как и объявляется в церкви перед вечерей: «В вечере Господней достойно могут участвовать члены, принятые через водное крещение, свободные в совести, имеющие мир с Богом в сердце, в семье, в церкви, жаждущие быть одним сердцем и в одном духе с Господом и со всеми святыми, не имеющие в сердце греха, в котором не раскаялись, не являющиеся отлученными и не находящиеся на замечании от церкви».

Вдумаемся глубоко во все прочитанное из Слова и изложенное здесь и сердечно примем эти слова. Как славно, трогательно и возвышенно это служение нового завета! Это значит, что я со Христом и Он со мной. Это значит, что я почтительно и с любовью принимаю Его и Он, по милости и любви Своей, сокрывает меня в Себе — соединением с Ним!

И здесь это невидимое духовное содержание вечери так ярко подтверждается в достойно принимаемом нами видимом хлебе и вине. Так точно и невидимое на первый взгляд соединение — член церкви и Христос, Христос и Церковь подтверждается видимым — самими участниками трапезы, сестрами и братьями, и служителями, совершающими новый завет, и соединяющимися друг с другом через видимый один хлеб и одну чашу.

Чем еще подтвердить это? Христос, готовясь совершить вечерю впервые и оставить ее в завет для совершения Церковью до Его второго пришествия, очень наглядно показал эту мысль.

Во-первых, Он сказал хозяину дома: «...у тебя совершу пасху с учениками Моими» (Матф. 26, 18). Потом они собрались в доме, вслушаемся в Его слова: «Очень желал Я есть с вами сию пасху...» (Лук. 22, 15). Иоанн утверждает, что Иисус выразил видимо, делом Свою любовь и жажду соединения с учениками и учеников друг с другом. До конца Он выразил это в омовении ног (Иоан. 13, 1–17).

Это и есть достойное участие со Христом, когда оно пропитано любовью, вниманием, лаской, заботой членов друг о друге (1 Иоан. 3, 16; 4, 7–12; 4, 20–21; 5, 1–3). Служители, совершая вечерю, трепещут от радости, видя, как члены церкви благоговейно и с умилением, дружно участвуют в святыне. И, наоборот, их сердце сжимается от боли при виде тех, кто со слезами скорби или со смущением и стыдом пропускает вечерю мимо себя. Как приятно, когда члены церкви, участвуя в вечере, ликуют духом, видя в глазах друг друга самих себя, ощущая, как бы единое биение сердца: один Бог — один путь — один хлеб — Он, ты, я, мы — одно из многих, святыня одна и радость наша общая (1 Кор. 12, 25–27)!

Вот что значит достойное совершение вечери Господней и участие в ней при наличии мира и чистоты в церкви, когда члены одного Тела движимы любовью и одинаково заботятся друг о друге. Это и есть достойное участие, соучастие, причастие и приобщение! Помните, как Елкана сказал своей жене: «Анна, почему ты не ешь, не лучше ли я для тебя десяти сыновей?» Так должно быть и у нас: ты для меня брат милый и сестра дорогая и любимая, часть моя, как и я — твоя. О дорогие мои, понимаете ли вы сейчас сердце мое?! Понимаете ли вы сейчас самих себя как должно, участвующие и совершающие или воздерживающиеся от участия?

Слово «одинаково» означает не одинаковую меру усердия и жертвы, а единство источников, побуждающих всех, абсолютно всех, к заботе друг о друге, в свою меру каждому.

Не может рот выполнить функции глаз, или ноготь — дело уха, или ноги — работу рук, но в то же время и рот, и глаза, и уши, и волосы, и руки, и ноги — все члены получают одну и ту же кровь, и воздух, и питание, и все члены трудятся для всего существа (1 Кор. 12, 12–27). Так точно и в Церкви. Один Христос, один Дух, одно Слово, одна трапеза для всех, чтобы и действовать каждому и заботиться не о себе только или о некоторых, но о всех. И вот что получается: если я думаю и забочусь только о себе, тогда я не знаю Христа и не живу для Него. И все наоборот, когда все существо мое наполнено стремлением к святым и дивным Его (Пс. 15, 3), и забота моя о них по силам моим, да и сверх сил, о сильных и о слабых, благовидных и неблагообразных, духовных и плотских младенцах. Эта любовь к ближним проявляется во всем служении и во всей жизни, тогда я уже не для себя живу, а для Господа и поступаю по примеру Его (2 Кор. 5, 14–15; Рим. 14, 7–9).

И Сам Господь смотрит так же: «сделали или не сделали одному из меньших братьев Моих, значит, сделали или не сделали Мне» (Матф. 25, 34–46).

Недостойное участие в вечере

(1 Кор. 11, 27)

1. Участие с неисповеданным грехом, явным или тайным, в котором христианин не раскаялся.

«Дети мои! сие пишу вам, чтобы вы не согрешали; а если бы кто согрешил, то мы имеем ходатая пред Отцом, Иисуса Христа, праведника; Он есть умилостивление за грехи наши, и не только за наши, но и за грехи всего мира» (1 Иоан. 2, 1–2).

«Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит нас от всякой неправды» (1 Иоан. 1, 9).

2. Участие при полном безразличии к другим верующим.

Считать, что если ты поел хлеба и попил вина, то уже участвовал в вечере, и говорить, что до других нет дела — это не значит вкушать вечерю Господню, а, наоборот,— недостойно участвовать в ней (1 Кор. 11, 27).

3. Участие, злоупотребляющее евангельской благодатью, цель которой — отвратить человека от всякого греха.

Многие думают: поскольку мы не под законом, а под благодатью, то нас из закона ничего не касается. Пусть думают так и пусть остается это на их совести. Но свидетельствую Духом, что благодать выше, чем закон. Если закон осуждал и карал за греховные, видимые действия, то благодать осуждает и огорчается за внутренние, невидимые намерения и желания к греховным действиям. Закон снаружи клал обязанности к чистоте внешней, а благодать изнутри, из чистой совести сердца кладет печать чистоты и святости на внешнее. А потому участие небрежное, с грязными помыслами, в неряшливой и грязной одежде, с нечистотой телесной, что не омыто водой, есть недостойное участие (1 Кор. 6, 19–20). Если наше тело — храм Духа Святого и мы принимаем в него невидимого Христа через Слово, Дух, благодать и видимо — через хлеб и вино, то неужели буду дерзать я или ты делать это нечистыми руками и устами? Да и согласится ли Христос и Дух Его быть в нас, если нет к Нему благоговения, почтения, страха (Иоан. 14, 20–24)? И разве не Сам Иисус сказал вам так (Матф. 5, 16–28)?

Может, кто-то, читая или слушая эти слова, скажет: «Да ты что, брат, задумал заставить нас соблюдать закон? Наложить иго, которого и древние не могли понести?» Нет, возлюбленные! Тысячу раз нет! Но даруй, Господи, каждому правильное разумение истины и благоговейное принятие ее для исполнения в жизни! И не я, а Иисус это говорит: «Пока не исполнится все!»

Например:

Жертвы животных и птиц и другие были прообразом жертвы Христа. Христос пришел — жертва совершенная — закон о необходимости принесения жертвы за грех исполнен. Поэтому уже не надо другой жертвы.

Знак обрезания как принадлежность к народу Божьему и Самому Богу. До пришествия Иисуса обрезание, совершаемое руками, было правильно и духовно. После смерти и воскресения Христа оно заменилось новым, более возвышенным обрезанием (Кол. 2, 10–13; Рим. 2, 25–29; Гал. 6, 15).

Одежда мужчин и женщин — по закону все было расписано, какой она должна была быть. Но разве сегодня может каждый одеваться так, как хочет? (1 Тим. 2, 9–10; Тит. 2, 3–6). Или думаете, это молодых не касается, а только старых? А молодежи сегодня можно модно, бесстыдно и роскошно одеваться?

Чистая и нечистая пища и в какой день какую употреблять — все было указано в законе.

Это все исполнилось откровением высшего, благодатного (1 Тим. 4, 3–6; 1 Кор. 8, 8).

И тут же рядом мы видим то, о чем закон не говорил, но о чем предупреждает благодать (1 Кор. 8, 9–13). И необходимое из закона Дух Святой утвердил в новом завете, это и до закона от Бога было и до конца жизни на земле будет напоминанием для детей Божьих: «воздерживаться от идоложертвенного, и крови, и удавленины, и блуда...» (Д. Ап. 15, 28–29). Значит, кроме исполнившегося и уже отмененного есть и необходимое для нас «пока исполнится все». Для чего? — Для того чтобы сохранить в душах наших чистоту, пока мы находимся в теле (Иоан. 13, 8–10; Лук. 11, 33–36; Матф. 6, 21–23; 1 Фес. 5, 23). А потом мы получим нетленное тело и начнется жизнь как у ангелов небесных.

4. Участие при отсутствии мира в сердце, в семье, в церкви, при наличии ссор, распрей, разделения.

Такое участие в вечере влечет за собой осуждение и наказание от Господа (1 Кор. 11, 27–32; 6, 5–10; Гал. 5, 12–21).

Для служителей это грех вдвойне, потому что им первым открывается состояние в церкви, а они, не обращая на это внимания, не внимая всему стаду, продолжают совершать вечерю, участвовать в ней и других вводить в грех. А для членов участие недостойное потому, что они участвуют не раскаиваясь в грехе, не примиряясь друг с другом и после участия продолжают жить в том же духе, с пересудами, с неприязнью между собой, а то и с открытой враждой и клеветой. Святое Слово прямо об этом говорит: «Не должно, братья мои, сему так быть» (Иак. 3, 6–16; Матф. 5, 21–26).

Серьезно вдумайтесь и пристально вглядитесь в такую картину. Когда в семье, живущей в любви, кто-то из любимых заболел, то и здоровому, любящему, как говорят, «кусок не лезет в рот». Когда больной от болезни теряет

аппетит или его рвет от пищи, здоровый прилагает все усилия, чтобы найти такую пищу, от которой ему не будет плохо, и накормить больного, чтобы подкрепить ослабленное болезнью тело.

А вот где любовь пропала, умерла, потерялась и заменилась холодностью, равнодушием, неприязнью, раздражением, ненавистью,— там что? Там болезнь к болезни добавляется грубостями, злоречием, а то и злорадством, там слышны слова наподобие: «так тебе и надо», «да скорей бы уже ты...», «и не мешал бы нам жить в свое удовольствие».

Как сильно в этом отношении пророчество Иезекииля о пастырях и овцах, баранах и козлах, о вытоптанных пастбищах и взмутненной воде, о вытолканных из стада слабых (34 гл.). Из глубины сердца Павел умолял служителей и властью призывал, предупреждая вместе с Петром: «Внимайте себе и всему стаду» (Д. Ап. 20, 28–31; 1 Петр. 5, 1–5). Даже малое уклонение, невнимание Духу Христа и Его Слову непременно влечет за собой соблазны, сомнения, разрушение веры.

5. Участие, ведущее к соблазну.

Конечно, важно и очень важно регулярное совершение хлебопреломления и участие в нем, в этом святом приобщении и причастии нашем к Телу и Крови Христа. Но смотрите, как настойчиво говорит Дух Святой и открывает нам не только значение участия в трапезе Господней, но и даже употребления простой пищи и питья, говоря, что не должны они быть в соблазн ближним (Рим. 14, 13–23). В чем прежде всего заключается Царство Божье в нас? — В праведности, мире и радости во Святом Духе. Без всяких «или-или» и «если» сказано: «Худо человеку, который ест на соблазн!» Что производят в нас эти стихи? Что будет еще говорить к нам живое Слово, если только уши наши еще способны слушать и не стеклянными глазами равнодушия пробегаем мы по этим огненным строкам?

Дорогие мои, вкушать вечерю Господню и знать, что от нашего участия соблазняются немощные, меньшие, или вкушать самому и соблазняться о других участвующих или совершающих,— это недостойное участие и грех, равно как и участие с отсутствием покоя в совести, с сомнением, правильно ли делаешь. Тогда участвуешь уже не по вере, что в исполнении заповеди находишь благословение святыни Господней, а с колебаниями, с переживаниями, может быть, ради других или ради мира. Как коротко, но сильно сказано: «...все, что не по вере,— грех» (Рим. 14, 23). Кажется, любые дополнения здесь излишни. Мы подходим к следующему вопросу нашей беседы.

Испытание самого себя в процессе приготовления к участию в вечере (1 Кор. 11, 28)

Каждый христианин, который сегодня бодрствует, кто не поглощен только земными интересами или не запутался в сетях страха нечестивыми компромиссами с безбожием и предательством дела Божьего и детей Его, тот чувствует и видит, как, особенно в последние годы, умножились усилия сатаны и плоти разорить, ослабить Церковь изнутри, когда он не смог достичь победы с помощью гонений. Павел, не посчитав, что он обидит кого-то из пресвитеров, сказал с такой болью сердечной и со слезами: «...войдут к вам... и из вас самих восстанут...» (Д. Ап. 20, 29–30). С какой целью? — Прельстить, увлечь учеников за собой. Каков результат? — Скорбь, переживание, а то и полное разорение (2 Кор. 2, 11; Гал. 5, 9–15). Поэтому так злободневно, важно звучит этот призыв, этот красный сигнал: «Да испытывает же себя человек! Самих себя испытывайте, исследуйте, в вере ли вы? В вас ли Христос?»

Вспоминается вечеря в общине ВСЕХБ. Пятнадцать лет был я в ней членом. Вечеря Господня совершалась при любом состоянии общины, при любом! Истину говорю, не лгу. И когда кто-то не выдерживал и задавал вопрос: «Ну почему это так? Да разве можно?», то в ответ раздавалось успокаивающее: «Вы самих себя испытывайте, а до других вам дела не должно быть. Вы за них не отвечаете». Примеров этому печальных и страшных множество! Сошлюсь на один.

Под Новый 1962 год, в конце общего собрания, пресвитер объявил: «Родители, детей до шестнадцати лет в собрание больше не водите». Да еще, чтобы утвердить это нечестивое положение безбожников, потребовал, чтобы община подтвердила свое согласие с этим вставанием, угрожая, что из-за несогласия могут закрыть молитвенный дом. И что же? Большинство присутствующих членов встали, соглашаясь с этой мерзостью.

А через пару дней первая новогодняя вечеря. Перед вечерей встает сестра (членских собраний тогда тоже не разрешали, что было на руку отступникам, так как в общих собраниях искренние дети Божьи выступать против беззакония воздерживались, чтобы не слышали этого слушатели, не члены церкви), и со слезами говорит о муках своей совести: «Братья и сестры, у меня дети неверующие, погибают, а я вместе с вами вставала, чтобы и ваших не пускать в собрание, хотя Христос не раз говорил: „Пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне“. Меня совесть мучает, ночами не спала, как же мы будем участвовать в вечере?..» Служитель, не выслушав до конца эту смиренную овечку Христову, сказал: «А мы будем совершать вечерю для тех, кого совесть не осуждает». И совершали. И большинство участвовали в ней, то самое большинство, которое без угрызения совести

закрыло двери дома молитвы для своих детей, а потом выставило за те же двери и эту сестру, и подобных ей, так как их неучастие служило им постоянным обличением, укором за их беззаконие.

Как же правильно испытать себя и приготовиться к участию в святыне Божьей?

1. Испытывать свою совесть (Матф. 26, 22).

Перед участием в вечере Господней важно испытывать свою совесть. Моя совесть и уровень духовного знания может быть как у некого человека, который не должен был участвовать и, который, будучи у нас в собрании с вечерей и слыша мое объявление, приведенное выше, все же участвовал. Когда после собрания его спросили об этом, он ответил: «А для меня нет разницы, что у вас, что у нас, что у пятидесятников, или кто там раздает вечерю. Лишь бы меня совесть не осуждала. Я ведь понимаю так: „для чистых все чисто"». Такой высокодумающий о себе христианин и Павла превосходит, написавшего: «Совесть же разумею не свою, а другого...» (1 Кор. 10, 29). Ему и дела нет до Христа, Который не хочет и собирателей дидрахм соблазнить (Матф. 17, 27).

За первой наибольшей заповедью о любви к Богу идет вторая, подобная ей, о любви к ближнему (Марк. 12, 29–31). А Иоанн прямо говорит: «Кто говорит: „я люблю Бога", а брата своего ненавидит, тот лжец...» (1 Иоан. 4, 20–21). Без исполнения второго невозможно исполнение первого. И через проявление любви к ближнему обнаруживается наша любовь к Богу! Не иначе!

С одной стороны, эти мысли покажутся несколько трудными для понимания, но они насущно важны для нас и тем более для совершения трапезы Господней и достойного участия в ней. Каждый из членов церкви имеет право и должен иметь свое мнение по любому вопросу, свое удостоверение ума. Как каждому Господь определил и для чего призвал (Иоан. 16, 25; Рим. 14, 5; 1 Кор. 7, 17). Вместе с этим единство должно быть среди детей Божьих и в действиях, и в словах, и в мыслях (1 Кор. 1, 10; Рим. 12, 16; Фил. 2, 2). У многих христиан последнего времени это «личное» мнение, свое удостоверение во много раз выросло над общим, над единомыслием, над Церковью, над святыми, над Христом!

Да испытывает же себя человек! Совесть же разумею не свою, а другого... Лучше не делать ничего такого, от чего брат твой претыкается, соблазняется, изнемогает (Рим. 14, 21)!

2. Испытание своей готовности к участию в вечере начать с молитвы (Марк. 11, 25–26).

Я стою перед Богом в молитве и внимаю голосу Духа Его. Прощаю тех, которые обидели меня, независимо от того, каялись они передо мной или нет. Он Духом успокаивает сердце мое и напоминает об упущенном, о том,

в чем начинает осуждать сердце, где мы раздражались (1 Иоан. 3, 20–21); о том, где одной просьбы о прощении к Богу недостаточно, а надо еще попросить прощения, с кем-то объясниться, примириться, а может, и со всей церковью или с кем-то из неверующих.

Когда вы стоите на молитве, то Он напоминает, что не только у кого-то нужно попросить прощения, но кого-то из членов церкви необходимо с любовью поувещевать, чтобы и он недостойно не поучаствовал (1 Тим. 1, 5–7; Гал. 6, 1–4). Все это и совершается, «когда стоите на молитве», то есть с молитвой, с любовью, от чистого сердца, с доброй совестью, с нелицемерной верой.

Это истинное духовное приготовление и есть то кропление, очищающее Кровью Христовой наши сердца от порочной совести. Это достойное приготовление к вечере не имеет ничего общего с буйством раздраженной, разгневанной, разнузданной плоти: «Я имею на тебя огорчение! Ты обидел меня! Я люблю говорить правду в глаза! Я тебя перед всеми опозорю!» и т. д. Да разве это приготовление к вечере, с яростью, с криком, злоречием, оскорблениями и т. п.? Это не что иное, как воинствование по плоти, не к созиданию, а к разорению, да и тем более оно страшно, когда сопровождается лицемерием, лукавством, коварством и лицеприятием. Как говорит пословица: «Любимому и комок грязи простишь, а нелюбимому и пылинку заметишь». Это не что иное, как, имея в своем глазу бревно, стараешься вытащить сучок из глаза брата своего и этим бревном ожесточения и необузданности оставляешь брата своего не только без второго глаза, но, пожалуй, и без головы. Как это страшно, когда, видя проступки своих родных или единомышленников, ты промолчишь и закроешь на это глаза, а того, кто чем-то не угодил или оскорбил тебя, будешь душить, как в истории с должником, которому господин простил 10 000 талантов, а он не мог простить своему должнику ста динариев (Матф. 7, 3–5; 18, 21–35).

Итак, в совести моей все спокойно и свободно, приготовлено. Приготовлена и одежда чистая, и тело омыто, и пища приготовлена, чтобы день вечери и участие в ней действительно были праздником общения и покоя со Христом и учениками Его, и для души, и для тела, а не заботы Марфы с негодованием на сестру, сидящую у ног Иисуса, да и на Самого Иисуса (Лук. 10, 38–42).

Это личное и семейное приготовление, а затем и непременно общее, церковное — «наблюдайте, чтобы кто не лишился благодати Божией... чтобы не было между вами... нечестивца...» (Евр. 12, 14–16). Конечно, в здоровой церкви это делается не перед самой вечерей и тем более не во время участия в ней, а в процессе приготовления к ней, в повседневной жизни.

3. Войти во свет Слова Божьего.

Может, кому-то удивительно и даже тягостно, что привожу столько мест Писания, а некоторые по несколько раз повторяю? Возлюбленные, не огорчайтесь.

Входить во свет Слова Божьего — как раз и есть самое лучшее приготовление, и внутреннее, и внешнее. Никакие мои пояснения или речи любого «златоуста» не могут сравниться с чистым Словом Самого Бога. И никакой проповедник не является светом во тьме, а Слово Божье, вовеки благословенное,— светильник ноге нашей и свет стезе нашей (Пс. 118, 105). Оно и только оно острее всякого обоюдоострого меча, рассекающее клубки и тайные узлы помышлений и намерений сердечных (Евр. 4, 12). Не Библию надо проверять чьими-то писаниями и проповедями, а любое писание и самую красноречивую проповедь надо проверять Библией. Для того и надо любить Слово и углубляться в него (Пс. 118: 11, 97, 140, 148, 165). К этому нас призывает Господь через пророка Исаию (Ис. 8, 20). Если бы мы во всем поступали, как учит Слово Его!

Тогда мир наш был бы как река и правда наша — как волны морские! И каждая вечеря Господня — праздником великим, да и вся наша христианская жизнь среди всех искушений, переживаний и скорбей — настоящим наслаждением от Бога и светом миру! И мы, как члены Его единого Тела, никогда бы не смели обесценить другого члена, или унизить его, или равнодушно оттолкнуть, опозорить, поспешно отсечь!

Петр говорит, что мы наравне с ним приняли драгоценную веру (2 Петр. 1, 1). Павел призывает никого не унижать и не осуждать, так как все мы будем за себя давать отчет Богу (Рим. 14, 10–13). А кто почитает себя более сильным, духовным, достойным, имеющим власть, у того в не меньшей мере должно быть и снисхождение к более слабым и немощным, и жажда не себе угождать прежде всего и не своего искать, а того, к чему призывает Слово (Рим. 15, 1–3; 1 Кор. 10, 24; 2 Кор. 12, 14–15).

Во всем этом проявляется приготовление и достойное участие, как отдельных членов, так и всей церкви, включая и служителей.

О разных мнениях греховных и не греховных

Непременно придется сейчас порассуждать о разных мнениях наших сердец и умов, разных понятиях и разных представлениях, о способах претворения их в жизнь.

Однажды при беседе один большой начальник сказал мне так: «Думать и философствовать вы можете как хотите, а жить вы будете так, как мы вам будем диктовать». Я подумал и ответил ему: «Да, если я целиком ваш

раб или робот, то будет так, а если я, как и закон нашей страны гласит, человек и гражданин, то я имею право на свободу не только мысли, но и слова, и печати, и многого другого. Если как к гражданину ко мне есть законные претензии, я готов отвечать, а для моей христианской совести и для моего служения Богу есть наивысший закон Его, Его воля и Его Божье Слово».

Да, повторяю, каждый член церкви имеет право на личное мнение, понятие, удостоверение своего ума. Но в главных вопросах жизни и служения церкви, ее устройства не может быть разных мнений. Понимаешь правильно, по откровению от Бога, так и поступай правильно и поддерживай всем существом понимающих верно. Если же недопонимаешь или вообще не понимаешь, то прислушивайся к другим, спрашивай и не прекословь и молитвенно углубляйся в Слово, чтобы правильно понять. Иначе церковь не будет уже церковью, а просто обществом, в котором каждый живет и поступает сам по себе, как говорят: «Кто в лес, кто по дрова». В вопросах второстепенных, таких как пища, одежда, дни, праздники и тому подобное, разные мнения не греховны, если мы, имея разные мнения, не осуждаем друг друга, не производим своими разными понятиями соблазнов, раздоров, падений немощных и слабых.

Если же от моего или твоего особого мнения загорается пожар, возникают споры, ссоры, соблазны, чье-то падение, то, безусловно, такое мнение греховно (1 Кор. 8, 11–12).

Если после беседы или принятого решения эти разные мнения оставили горький осадок или, хуже, породили неприязнь, отчуждение, то кто может назвать такие мнения не греховными, в какую бы их оправдательную и благовидную одежду ни одевали? И, конечно, в таком состоянии нельзя достойно совершать вечерю до тех пор, пока эти разные мнения не придут в единое или пока при этих различных мнениях не будет восстановлен мир, любовь и благорасположение друг ко другу. Если при решении какого-то вопроса члены высказывают свое мнение и это не тормозит дело Божье и не наносит ему урон, и мир сердечный у членов не нарушен, и каждый из них, ест ли, не ест ли, но благодарит Бога, то кто может назвать эти разные мнения греховными?

Откуда возникают разные мнения и почему они так устойчивы?

Жизнь, а тем более жизнь духовная, не стоит на месте. Нам, людям, свойственно привыкать к более неизменной форме, к ненарушаемому распорядку, к понятиям, обычаям, перенятым от предков. Внедрение чего-то нового вызывает различные мнения, сопротивление, нарекание, попытки остановить. Пребывание в неизменной форме, в привычном ритме, распорядке, когда налицо застой и угасание жизни, неизбежно приводит к омертвению и разложению.

Первым Возмутителем спокойного и сонного, привычного течения жизни во многих случаях *является Бог — Дух Святой*, Он открывает необычное и побуждает к непривычному, Он ломает мертвящую форму и разрушает устоявшиеся обычаи, в которых давно исчез дух умножающейся благоухающей жизни. А людям так жалко бросать старую, дырявую одежду своих привычек и распорядка, прохудившиеся ветхие мехи строго определенных правил. Вот и начинается. Бог сказал, открыл, а плоть спорит, не соглашается, боится, противится, негодует и т. д. Это проявляется не только в поместной церкви, но и в отдельной семье, да и в каждом верующем человеке. Один голос внутри говорит одно, а другой — другое.

Вот характерный и яркий пример. Люди видели чудеса, творимые Иисусом, и уверовали в Него. Он обращается к уверовавшим с необходимым для них словом о духовном росте, об освобождении от греха, необходимости познания истины, изменения старого образа жизни. Чем заканчивается эта беседа? — Написано: «Взяли каменья, чтобы бросить на Него» (Иоан. 8, 31–59)!

Бог призывает к непорочности, обличает в согрешениях, побуждает к святости, к самопожертвованию, к деятельной любви, к дерзновенному свидетельству, открывает тернистый путь страданий. А, может побуждает какого-то пастуха Амоса обличить беззакония Ахава, или выступить юноше против Голиафа, а к старцу Илии решает обратиться через отрока Самуила и говорит много чего непривычного, режущего слух, волнующего сердце, смущающего дух. Как тут не возникнуть разным мнениям, трениям, борьбе?

Все хорошо и свято происходит только у людей, имеющих состояние сердца и духа как у Марии. Говорит ей ангел: «Ты родишь Сына, и Он будет Сын Божий!» Мария задала всего один вопрос. А потом покорно сказала: «Се, раба Господня, да будет мне по Слову Твоему...» О, блаженна смиренная и уверовавшая! Как хочу учиться у тебя, чтобы мне, черепку из черепков земных, не спорить с Богом!

Когда Бог говорит, всякая плоть да молчит! О, если бы было так! Нет, не молчит она, а часто спорит, отстаивает свое мнение, ругается, а то и вовсе уходит от Говорящего, как богатый юноша или многие из учеников Иисуса, посчитавшие странными и невозможными не только к принятию, но и к слышанию слова Его.

Второй возбудитель разномнений — это сатана. Какой только облик он ни принимает, чтобы нарушить исполнение святой Божьей воли! В какую только одежду ни одевается! Через кого только ни подходит, чтобы смутить, посеять сомнение, недоверие, возбудить несогласие, споры, ссоры, произвести разорение, довести до погибели (Матф. 16, 21–23; Д. Ап. 5, 1–10;

1 Петр. 5, 8). Будем испытывать себя и не давать места дьяволу (Еф. 4, 27; 1 Иоан. 4, 1–6; 2 Кор. 11, 13–15).

Третий возбудитель разных мнений, понятий — наша необузданная, не распятая плоть (Гал. 5, 17; Рим. 7, 15–23). В ней, в греховной плоти, живут и воюют желания честолюбивые (1 Тим. 1, 3–7), страсть к словопрениям и состязаниям (1 Тим. 6, 3–5), воинствующие вожделения (Иак. 4, 1–3). Отсюда не только недоброе различие во мнениях, но и последствия самые горестные — плод смерти (Рим. 7, 5). Единственное средство от этого несчастья — это распятие нашей плоти через исповедание (Пс. 31, 5) и мольба к Отцу через Иисуса о ниспослании нам Духа Святого (Лук. 11, 9–13), чтобы Он руководил нами, давал нам силу умерщвлять дела плоти и обуздывать наш язык (Рим. 8, 13–17; Иак. 1, 26) и приносить плоды Духа, которые не иначе выражаются, как во всякой благости, праведности и истине (Еф. 5, 9).

И, наконец, *разные мнения возникают по причине разного духовного возраста.* И по времени следования за Господом, и по опыту, и по разумению истины, и по откровениям от Бога и дарованиям Его мы все разные (1 Иоан. 2, 12–14; 1 Кор. 3, 1–3; Евр. 5, 11–14). Учитывая это и поступать надо так, как уже более подробно говорили выше, о совести своей и другого, о немощных в вере и сильных, о родителях и детях (Фил. 3, 12–17). Объяснять, снисходить, призывать, быть долготерпеливыми со всякой чистотой (1 Фес. 5, 11–15; 1 Тим. 5, 1–3; 2 Тим. 2, 23–26).

Дорогие мои, каждому из нас непременно надо испытывать свое мнение, и понятие, и побуждение — от Бога ли оно? Кто его возбудитель (1 Иоан. 4, 1)? Почему оно у меня всегда особое, отличное от других? Или наоборот, почему у меня такое мнение: как все — так и я, а личного нет? Верным признаком правильности нашего мнения в любом вопросе будет его полное совпадение со Словом Божьим. И не с какими-нибудь отдельно выбранными стихами, а со всей его совокупностью. Правильное мнение непременно приводит к благим результатам: устройству, умножению, расцвету доброго, успеху дела Божьего и личному духовному росту. Если же этого совпадения и благого результата нет, то будем иметь мужество сознаваться в неправильности наших «особых» мнений, раскаиваться в них и немедленно оставлять.

Трудности, возникающие в приготовлении и совершении вечери

Да, возлюбленные, трапеза Господня и наше участие в ней — дело великое и насущное для каждого члена церкви и тем более для служителей, совершающих ее, поставленных от Бога на это святое дело (Еф. 4, 11–13; Кол. 4, 7).

Совершать трапезу Господню и недостойно участвовать в ней — это

значит делать себя виновным против Тела и Крови Господней (1 Кор. 11, 27). Это значит согрешать против Христа и Его Церкви. Это значит навлекать на себя суд и наказание Божье (1 Кор. 11, 29–32; Евр. 10, 29–31; 1 Кор. 10, 22).

Поэтому член церкви с сознательным грехом, равнодушный и невнимательный к другим, не примиренный с Богом, церковью или ее отдельными членами, соблазняющий других или соблазняющийся, сомневающийся и потерявший веру, запачканный греховной связью с миром, всячески избегающий страданий за имя и дело Христово, не готовый или не желающий быть со всеми святыми как одно сердце и дух, несущий на себе церковное наказание,— участвовать, тем более совершать вечерю Господню, не должен! Не должен!

Поместная церковь, в которой налицо жизнь членов с таким состоянием, не принимающая мер к осуждению греха и извержению из среды себя развращенных, сама терзаемая раздорами, ссорами и другими грехами, не поддерживающая слабых, не утешающая малодушных, не отстаивающая свободу Церкви и чистоту ее учения, отделяющая себя от единства веры,— совершать святыню Господню в таком состоянии не должна! Не должна до тех пор, пока не приведет себя в порядок Божий, чтобы совершать вечерю и участвовать в причастии и приобщении при наличии мира и чистоты.

Мы живем среди строптивого и развращенного рода, сами находимся в греховной плоти и обложены немощами. Духи злобы поднебесной нападают со всех сторон, неустанно стреляют раскаленными стрелами обольщения, сомнения, страха, похоти, так что искушения, ослабления и падения в церкви бывают.

Поэтому необходимо бодрствовать, беречь себя и друг друга, искренне раскаиваться в согрешениях, производить суд внутренних и извергать развращенных (1 Кор. 5, 9–13). Это все есть процесс жизни, роста и освящения каждого члена и всей церкви. И когда церковь живет, действует, когда она не может переносить развратных, когда стремится сохранить верность Христу и Его Слову, когда старается сохранить тесный союз любви между собой, то для нее и нет препятствий к совершению святыни. Если только мы будем внимательны к голосу Учителя, Духа Святого, оставив своеволие и строптивость, то Он, безусловно, научит нас, как поступать в каждом отдельном случае: отдать ли статир собирателям дидрахм, чтобы не соблазнять их, или, невзирая на якобы соблазняющихся, сказать: «Всякое растение, которое не Отец Мой Небесный насадил, искоренится» (Матф. 15, 13).

Не будем упускать из вида, что все изложенное здесь о трапезе Господней, о ее совершении и участии или неучастии в ней — это не закон мидян и персов, не допускающий изменения. Если бы даже изложенное здесь было в десять раз подробней и глубже, то все равно невозможно предусмотреть

все случаи жизни и обстоятельства отдельных членов или всей церкви, по которым были бы выработаны и записаны незыблемые правила — только так и не иначе!

Евреи пытались сделать это с законом Моисеевым. У них получился Талмуд — толкование закона, который, пожалуй, и за всю долгую жизнь изучить досконально невозможно. Представьте себе, что в нем только об омовении записано до тысячи правил и постановлений!

Устрояя Свою Церковь, Господь Иисус Христос через Духа Святого руками апостолов в Новом Завете записал самые основные истины жизни и служения Церкви, а на все остальное искренним, возрожденным членам ее, а тем более служителям, Он дал свет и разум (1 Иоан. 5, 20) и помазание от Святого (1 Иоан. 2, 24–28; Иоан. 14, 26; Д. Ап. 15, 28). Все это должно руководить и помогать в каждом отдельном случае, в любых обстоятельствах, научая, как поступать церкви или отдельным ее членам, по откровению от Него, по побуждению Духа Его (Фил. 4, 4–9).

И больше того. Кроме записанных в Слове заповедей касательно жизни, служения, участия в чем-то или не участия, в общих правилах всегда могут быть такие исключения, о которых нам судить приходится не иначе, как по слову Иисуса: «Пойдите, научитесь, что значит: „милости хочу, а не жертвы“» (Матф. 9, 13; 12, 7).

Истинные правила благоразумия жизненно важны для церкви, но при исключении из общего правила исповедания будем помнить, к чему призывает нас Дух Святой (Евр. 10, 23–29).

Можно ли достойным не участвовать в вечере?

Итак, недостойно совершать вечерю нового завета и участвовать в ней не должно, потому что это непременно влечет за собой Божий суд и тягчайшее наказание, а то и смерть духовную, и касается это как отдельных членов, так и целых церквей, о которых с такой болью и строгостью говорил Павел и Сам Господь (1 Кор. 11, 29–32; Откр. 3, 1–6).

Но ведь бывает нередко и другое положение, когда кто-то один или некоторые не осквернены, однако, не могут участвовать. Что влечет за собой это неучастие достойных и как им быть? Быть достойным и не участвовать, когда есть возможность, также нельзя. Закон говорил, что, если нечистый будет есть пасху, он будет истреблен из народа. «А кто чист... и не совершит Пасхи,— истребится душа та из народа своего...» (Числ. 9, 13).

Как же обстоит дело в Церкви нового завета? Дух Святой призывает: «...Пасха наша, Христос... станем праздновать... с опресноками чистоты и истины» (1 Кор. 5, 7–8).

При нашем достойном состоянии неучастие в вечере Господней, и тем более в течение длительного времени, влечет за собой хоть и не сразу приметное, но непременное ослабление духовных сил и утрату общения с Господом и друг с другом. Иссякают источники жизни, питающие внутреннего человека (Иоан. 6, 53–58). Как в естественной жизни организм только тогда нормально функционирует, когда получает необходимое питье и нужную, разнообразную пищу. В противном случае недостаток необходимых для организма веществ повлечет за собой болезнь организма.

Братья и сестры, оторванные от церкви и лишенные возможности нормально участвовать в вечере по причине уз или нелегального положения, болезни или службы в армии или еще по каким-то обстоятельствам, очень хорошо это знают, ощущают и переживают. Какое это томление духа! Какое страдание сердца!

Недаром один из служителей делился, как, томясь годами в неволе, иногда, побуждаемый сердцем, вместо вина употреблял сок клюквы или простую воду и совершал вечерю. И хотя я сам, вторично находясь в узах, никогда так не делал, но признаюсь, что такое совершение вечери осуждать не посмею. Это как раз и есть исключение из общего правила, и кто разумеет, что значит «милости хочу, а не жертвы»,— тот не осудит невиновного.

Каким блаженством и ликованием исполняется мой внутренний человек, когда через три-четыре месяца, а то и через полгода, могу я с несколькими братьями или наедине с Господом вкушать вечерю Его!

Но это неучастие достойных по причинам, от них не зависящим. А вот когда ты дома, и перед твоими глазами проходит трапеза, и ты ее любишь и жаждешь всей душой, но не можешь принимать, какая это мука! Если в такие дни не идти в собрание — тяжко без общения. А сидеть, смотреть и сознавать, что вечеря совершается недостойно, да еще, как обычно, в таких случаях, не обходится без упреков со стороны участвующих, от таких оскорблений и вовсе тягостно и страшно. Может, мой личный горький опыт кому-то послужит уроком. Да и не только мой.

В 1959–1960 годах усилилось давление на общину со стороны безбожников, а служители, отступая шаг за шагом, не отстаивали свободы ее служения. Они не только выполняли указания неверующих уполномоченных, но и всякими путями старались отстранить от участия в жизни общины тех, кто не соглашался с отступлением, протестовал и оказывал какое-то влияние на других членов. В то время с каждым месяцем такой изнурительной борьбы все трудней становилось усмирять сердце, чтобы вместе с другими не протягивать руку к хлебу и вину.

Весной 1960 года меня за работу с молодежью, за несогласие со служителями, за выступления на заседаниях совета церковный совет отстранил от участия в служении Словом, вывел из хора и не разрешал больше посещать заседания церковного совета. С марта по июль того года и до прочтения и принятия общиной «Нового положения ВСЕХБ», я еще несколько раз участвовал в вечере, но с момента того страшного собрания, когда не просто зачитали этот гнусный документ, но надели его с насилием, как железное ярмо будущей смерти, на шею общины, я больше участвовать не мог. Два года и семь месяцев длилось это томление духа и страдание души! И из общины не исключают, и в грехах отступнических не каются, и сам не могу совершать, потому что не рукоположен, да и членом себя считаю этой церкви. У других друзей были такие же переживания. Сколько пережито в те годы!

Потом положилось на сердце в день вечери утром в собрание не ходить, а проводить те часы в посте и молитве к Богу о выходе из такого положения и о пробуждении народа Божьего. Так продолжалось, пока Господь не ответил началом пробуждения в народе Божьем через Инициативную группу, через ее первое обращение к ВСЕХБ и всем церквам, которое мы приняли как ответ от Господа на все наши мольбы и слезы. Это на самом деле было Божьим ответом. Мы не только приняли с радостью ответ, но и поддержали всем сердцем нашей маленькой горсточкой заявлением в правительство и во ВСЕХБ, за что 18 июня 1963 года и были исключены из списков общины ВСЕХБ 18 членов. А 17 октября 1963 года в маленькой, обновленной церкви впервые совершили святыню Божью с великим умилением и слезами радости, в единстве духа, с полным миром и согласием с вновь избранными и рукоположенными служителями.

Но это было тогда, в те, теперь уже далекие, годы! А как быть теперь, в тех церквах, где лукавому удается внутри каким-нибудь образом нарушить мир, посеять зло, заразить грехом какого-нибудь нечестия, вражды, направленной на разорение и разобщение с Господом, Главой Церкви, настолько, что община становится бессильной устранить это зло или не видит своего опасного положения, обманутая кем-то из впавших в искушение служителей? Как быть теперь?

Живые, неосквернённые, достойные члены не должны участвовать в вечере с согрешающими и не осуждающими грех членами церкви (1 Тим. 5, 20–22; 2 Иоан. 8–11). Здесь не имеет значения количество разумеющих членов, их возраст, пол или их положение в церкви, то есть рядовые они или служители, давно принятые в церковь или недавно. Святое Слово говорит ко всем одинаково. Не должно быть участия верного с неверным (2 Кор. 6, 14–15).

Бог Святой вовеки неизменный! Он не осудит достойных, если они, не зная о чьей-то неверности, благоговейно и свято принимают трапезу Его. Но когда грех явен, в чем бы или в ком бы он ни выражался, то живым членам церкви по-церковному и поступать должно. Ради внешнего сохранения мира и единства совершенно не стоит осквернять свою совесть, класть на нее гнет печали и самоосуждения. И своим скрепясердечным участием утверждать согрешающих в их мнимой правоте, когда они сами не только не осуждают в себе грех, но и восстают против обличающих их.

Когда-то брат Макинтош в толковании на 6-ю главу Книги Бытие записал святую истину о союзе сынов Божьих с дочерями человеческими: «Союз Божьего с человеческим, соучастие верного с неверным никогда не оканчивается благополучно. Такой союз, на первый взгляд, может производить впечатление благополучия, даже исполинского размаха. От союза сынов Божьих с дочерями человеческими родились исполины! Издревле славные люди! А последствия?!

Насколько исполины оказались издревле славными, настолько и зло и развращение оказалось исполински-страшным, приведшим к потопу, к уничтожению!

В ущерб истине не должно совершаться никакое соединение! „Мудрость, сходящая свыше, во-первых, чиста..." (Иак. 3, 17). А потом уже все остальное. Мудрость же, поднимающаяся снизу, от земли, душевная, прежде всего ратует за единение, даже если при этом не удается сохранить истину. Принцип Божий гласит: „Держаться истины и чистоты прежде всего!" А если при этом возможен союз, возможно единение, то это прекрасно! Но истина и чистота прежде и превыше всего!»

(Я не дословно привел его слова, под рукой книги нет, но за верность их ручаюсь, потому что эту истину полюбил еще от юности.)

Что можно к этому добавить? Истинное, чистое, живое, даже малое, если и переболеет тяжело, все равно будет жить и умножаться жизнью Святого, Пребывающего в нем и Сказавшего: «...Я живу, и вы будете жить» (Иоан. 14, 19)!

А в результате соединения чистого с нечистым, больного со здоровым, живого с мертвым что получается в конечном итоге? Большинство из вас знает, что в последнее время распространяют экуменическую идею — из всех христианских церквей хотят создать единую, чтобы все понемногу отступили от своих принципов и в конце концов соединились. При этом прикрывают эти человеческие стремления святой молитвой Сына Божьего о единстве. Да, можно сказать, внешне эта идея заманчива и привлекательна, она есть не только в среде мертвого, государственного христианства, но проникает и в среду живых детей Божьих.

Как-то пришлось быть в кругу некоторых братьев, имеющих, как говорят, «широкие взгляды», и зашла беседа на эту тему. Слышу, один из них говорит: «А что тут плохого, если мы у католиков будем проповедовать, а православные — у нас? Ну и соединимся, постепенно перевоспитаются».

Хорошо, что там была тогда рассказана такая притча:

«Представьте себе, что в комнату, где находятся десять мертвецов, привели сто живых людей. Их хозяину взбрело на ум соединить живых и мертвых и посмотреть, кто кого перевоспитает. Он положил десять живых в ряд, а сверху поперек их одного мертвого, потом еще десять живых и одного мертвого. И так всех сто десять в один штабель. А теперь вы скажите, кто кого перевоспитывает? Может, живые мертвых? Их же в десять раз больше!

Одно дело прийти с проповедью, имеющей силу воскресения, хоть на кладбище к смердящему мертвецу и вызвать его к жизни, как Иисус — Лазаря, как Елисей — сына сонамитянки; а другое дело, когда сила смерти оказывает разрушающее действие на живых. Не убегут ли из дома сто живых от одного смердящего мертвеца, если они не имеют силы воскресить его или лишены права вынести и похоронить его? А если уж они сами с ним соединятся, то яд трупа перевоспитывает только в одну сторону — в сторону смерти и тления».

При этих словах замолчали сторонники экуменизма, перевоспитания и компромисса.

Так что же делать живым и достойным? Благодарение Богу! Кроме отдельно взятых бодрствующих членов сегодня есть бодрствующая Церковь в союзе с Господом. Хотя служителям ее совершать сегодня служение в церквах невыразимо трудно из-за непрерывного преследования со стороны недругов дела Божьего и из-за некоторых вошедших в среду народа Божьего или восстающих из него, все же Церковь Божья жива и действует. Повторяю, члены церкви по-церковному и действовать должны, по порядку, установленному Христом и Его апостолами: при согрешении какого-то члена церкви прежде всего за него должна возноситься молитва к Богу, затем увещание с любовью наедине. Если не раскаивается — обличение при свидетелях. Если и свидетелей не слушает, тогда сказать церкви о согрешившем или упорствующих. Если же церковь становится на сторону недостойных или не в силах сама разрешить этот вопрос, тогда эти члены могут обратиться к вышестоящим братьям с просьбой о помощи (Д. Ап. 15, 1–6). И кто все это совершает как должно, бескорыстно, с молитвой, не ища своего, а пользы общего, то в большинстве случаев и исход можно ожидать такой же, как в первой церкви (Д. Ап. 15, 30–32).

Но, как ни скорбно, в последнее тяжкое время несмотря на добрые старания и жертвы, на мольбы и слезы смиренных и искренних, бывает и другой исход, подобный тому, что возник еще в первой церкви (3 Иоан. 9–11 гл.; Гал. 4, 29). Не хочется говорить о горьком итоге, но куда же от него деться? А итог этот такой: имя ему — разделение (Д. Ап. 19, 1–10; 2 Кор. 6, 17).

Омовение ног Иисусом

Теперь мысленно обратимся к прочитанному. Представим самих себя перед великой пасхальной трапезой, которую будет совершать Сам Спаситель Христос! Жаждет ли наше сердце вкушать ее и пить так, как этого жаждало сердце Иисуса?! Устремлены ли мы единодушно, вместе со всеми членами церкви, в «горницу готовую, убранную» и вполне ли готовы сами?! Горит ли душа наша такой любовью к Иисусу, что мы готовы были бы сейчас вместе с Петром сказать: «Господи, с Тобою я готов и в темницу, и на смерть идти»?!

Как вы думаете, почему Иисус начал умывать ноги ученикам не перед ветхозаветной Пасхой, а когда они ели ее? Встав с вечери, Он стал делать то, чего не делал ни один ветхозаветный священник или первосвященник, хотя каждый из них готовил себя тщательно, и особенно к пасхальному жертвоприношению.

Возлюбленные, в это служение омовения ног ученикам перед трапезой нового завета Он вложил всю сущность нового и его превосходство над старым! Признаюсь, нет в душе моей осуждения тех христиан, среди которых это совершается видимым образом, в семье ли, в церкви ли. Но главное не в видимом, а во внутреннем содержании. В чем же оно заключается?

Прежде всего, Он — Учитель и Господь — предстает перед учениками не как господин, не как начальник, раздающий милостыню подчиненным, а как слуга. Он, умывающий ноги ученикам, является немеркнущим примером величайшей заботы о каждом, примером, прежде всего, для служителей церкви. В этом омовении и короткой беседе с Петром открывается вся забота и желание Иисуса, чтобы в пасхальной вечере нового завета участвовали чистые души и тела. Он знал, какими они пришли в эту горницу, он знал их споры, самонадеянные порывы, честолюбивые желания и неспособность к бодрствованию, уничижению. Но Он знал и видел также искренность их веры в Него, любовь к Нему и стремление исполнить поручение Его, и потому с такой великой милостью и снисхождением, с такой нежной любовью и лаской Он продолжает Свой преображающий труд над их душами, подготавливая их к предстоящему служению всей их жизни и к первому участию

в святыне Его. «Омытому нужно ноги умыть...» (Иоан. 13, 10). Разве не то же самое Он говорит в последней книге Своего Слова: «...святой да освящается еще» (Откр. 22, 11)?

В этом омовении ног еще раз так ярко открывается великое долготерпение Божье к нераскаявшемуся грешнику и Его жгучее желание, чтобы никто не погиб, но чтобы все пришли к покаянию!

Иногда думаю: как выдержало и не содрогнулось черное от сатанинского замысла сердце Иуды Искариота, когда у своих ног он увидел склоненную голову Иисуса, когда еще раз пронзил его небесный взгляд Христа? Как не отдернулась его нога, как от огня, когда любящие руки Иисуса коснулись их? И неужели не билось и не металось в разуме его пламя мысли: «Ты сейчас моешь и отираешь мои ноги, а я сейчас побегу ими самой страшной, самой погибельной тропой, тропой предательства!»?

Некоторые спрашивали меня: «А как вы думаете, что было в сердце Иуды до того, как вошел в него сатана?» Другие же имеют мнение, что Бог его для этого специально и создал, раз он назван сыном погибели. Осмелюсь с дерзновением сказать: «Если бы Бог и создал кого-то как сосуд гнева и погибели, то и тогда Он был бы прав, как Творец всевластный». Но Бог наш не только Творец, но и Отец, и Истина, и Свет, и Любовь, а потому перед судом Его не найдется ни одного, кто сказал бы: «За что же Ты губишь меня, когда Сам создал меня таким?» Нет, тысячу раз нет! Ни одного не создавал Он на погибель! И в связи с этим стоит внимательно посмотреть на процесс приготовления Иуды к погибели (Рим. 2, 3–11).

Вот он, избранный и призванный Христом, стоит в числе двенадцати апостолов и наравне с ними получает власть, силу и жребий своего служения (Д. Ап. 1, 17; Матф. 10, 1–5). Иисус не делает между ними никакого различия, хотя от начала знал, кто предаст Его (Иоан. 6, 64). А ученики и до самой Гефсимании не догадывались, не замечали этого. Больше того, Иисус выделяет его из числа двенадцати, как бы облекает особым доверием, ставит его кассиром их маленькой церкви (Иоан. 12, 4–6). А что же было в сердце Иуды?

Не высокомудрствуя сверх написанного, скажу: в нем не было ни сознания своей греховности, как у Петра (Лук. 5, 8), ни его ревности, ни любви Иоанна, ни искренности Филиппа, ни верности Иакова. При внешнем соединении с учениками, внутренне он оставался неверующим (Иоан. 6, 64).

А неверие — мать всех пороков, оно толкает на любое преступление. В сердце Иуды гнездились жадность, зависть, воровство и упорство (Иоан. 12, 4–6). А грехи в сердце человека, в которых он не раскаялся,— это форточки для старого хозяина — сатаны, через которые он вкладывает свои страшные вещи (Иоан. 13, 2; Д. Ап. 5, 3–5). А потом и сам входит туда, чтобы

человек уже не мог владеть собой, и не отпускает его, пока не доведет до погибели (Иоан. 13, 27; Лук. 22, 3; Иоан. 10, 10; Матф. 27, 3–5).

То ли зависть подталкивала Иуду к предательству, то ли желание разбогатеть, то ли замучили мысли, что Христос знает о его состоянии, в чем он не раз убеждался, но Лука говорит о нем, что он «потом сделался предателем» (Лук. 6, 16).

Вот его погибельные ступеньки от Христа до ада: неверие, отсутствие раскаяния в прежних грехах, воровство, непротивление мыслям от сатаны, сговор с нечестивыми, принятие сатаны в сердце, раскаяние не перед Богом, а перед помогавшими ему погибать, петля на шее и — ад!

По моему судебному делу один из главных свидетелей был предатель, отлученный церковью. Побуждаемый сердцем, находясь в тюрьме, я попросил его на очную ставку. Прокурор исполнил мою просьбу, и когда мы немного поговорили о некоторых вопросах, я сказал ему: «Ваня, ты знаешь, кто был Иуда и каким был его конец?» Он отвечает: «Да». — «Так вот, ты — его потомок, и веревка твоя у тебя в кармане, а дерево свое ты найдешь. Но, Ваня, когда придет этот твой страшный час, не лезь на дерево, не беги к тем, кто толкал тебя в погибель и платил тебе, а иди ко кресту Иисуса. Он, умирая, молил о прощении для Своих палачей и предателей, и мы то же самое делаем перед Богом. Кайся, Он простит!..» Прокурор больше не дал говорить, сказал, что я запугиваю свидетеля.

Дорогие мои, я не сомневаюсь в том, что Христос простил бы Иуду, если бы он искренне раскаялся перед Ним, даже в последний момент. Омовение ног было последним стуком любви Христа в его сердце, последним призывом к раскаянию. Когда же он остался к этому глух и слеп, то Иисус не мог допустить, чтобы Иуда в таком состоянии, вместе с другими учениками, стал участником святыни Его. Смиренный и долготерпеливый Дух Господа был потрясен и возмущен нераскаянностью, каменным упорством грешного сердца, Он открыто обличает Иуду и удаляет из среды тех, с кем Он очень желал есть Пасху — трапезу Свою (Иоан. 13, 18–30)! Иуда, евший с ними ветхозаветного пасхального агнца, в хлебопреломлении нового завета не участвовал.

Хотя, читая Евангелие от Луки 22, 19–23, можно подумать, что Иуда тоже участвовал в вечере Господней. Но чтобы правильно понять приведенное место, надо учесть слог евангелиста Луки, потому что в изложении событий он иногда переставляет их, как, например, в 3-й главе 19-й и 20-й стихи: прежде чем сказать о крещении Иисуса от Иоанна Крестителя, он говорит об аресте крестителя Иродом. Так и в данном случае.

Весь же этот вечер проходил в таком порядке: приход Иисуса с двенадцатью учениками в горницу, начало принятия ветхозаветной пасхи, омовение ног, обличение Иуды, уход Иуды, совершение причастия и приобщения нового завета, последняя беседа с учениками, выход Иисуса из горницы, путь с пением до потока Кедрон, Его первосвященническая молитва о единстве и любви в Церкви, выход за поток в сад Гефсиманский, моление о чаше, предательство Иуды, арест Христа. Это при чтении и сопоставлении всех четырех Евангелий очень хорошо и ясно прослеживается.

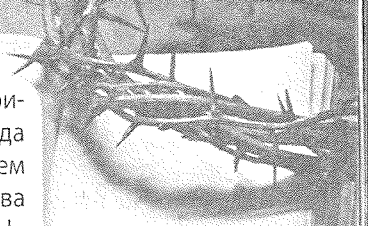
Заключение

Возлюбленные мои, не посчитайте дерзостью с моей стороны, что, как бы становясь рядом с апостолом Павлом, я снова и снова буду просить, убеждать и умолять каждого из вас поступать достойно Бога и в отношении Его великой святыни — вечери Господней. Буду делать это, даже если кому-то из вас кажусь не тем, кем должен быть (1 Фес. 2, 3–14; 2 Кор. 13, 7–11).

Буду делать это с молитвой и надеждой, что все изложенное здесь на основании Слова Его не останется для кого-нибудь из вас «гласом вопиющего в пустыне», но послужит добрым залогом будущей возможности и мне, истосковавшемуся сердцем от пятилетней разлуки, еще иметь радость небесную в собрании святых, в единстве духа, при наличии чистоты и мира, достойно совершать вечерю и участвовать в причастии и приобщении к Телу Его, возлюбившего нас и отдавшего Себя, невинного, в жертву за наши грехи.

Пусть наше достойное совершение хлебопреломления и участие в нем еще теснее соединяет нас с Господом и друг с другом в одно Тело и один дух, чтобы каждого из нас еще больше влекло во всем подражать Ему. А также чтобы наша вера возрастала и укреплялась в Нем по милости и любви Его, чтобы и нам однажды стать участниками трапезы в Его Царстве.

Слава Ему, что и сегодня Он ходатайствует о нас, чтобы не оскудела вера наша, когда сатана старается сеять нас как пшеницу. Будем же и мы, уподобляясь Петру, утверждать своих братьев и сестер в истинной вере, в жертвенном служении во славу Его (Лук. 22, 25–33).



...Вы куплены дорогою ценою. Посему прославляйте Бога и в телах ваших и в душах ваших, которые суть Божии.

1 Кор. 6, 20

ХЛЕБ И ВИНО

Христос не повелел
воздвигнуть монумент
Из мрамора, что с жилкой золотой,
С цепями на столбах,
поставленных в цемент,
И с гладкой гравированной плитой,
Где надпись бы гласила: «Это Тот,
Что умер на Голгофе за людей,
Что Он потом воскрес
и что теперь живет
В обители Отца, где нет теней...»

Он вспоминать Себя
совсем не так велел:
В ту ночь, когда был предан,
пригласил
Двенадцать на вечерю, после дел,
И хлеб простой пред ними
преломил,
Чтоб ели все воспоминая плоть
Невинную, ломимую за всех,
И подал им потом вино Господь,
Чтоб помнили ту кровь,
что смыла грех.

Он не хотел, чтоб
к памятникам шли
Толпою люди, услаждая глаз,
Хотел, чтоб ели хлеб, вино пили
Его воспоминанья каждый раз.
Чтоб Он был нашей пищей, питием,
Чтоб превращался
в нашу кровь и плоть,
Чтоб Он был в нас,
а мы чтоб были в Нем,
Чтоб все во всем был Он —
Христос Господь!

КРОВЬ ЗАВЕТА — величайшая святыня Нового Завета. Совершение вечери Господней — величайшее священнодействие. Благодатью Божьей через Слово назидания дети Божьи приводятся в духовное единение с Иисусом Христом. Это делает способными святых истинно приобщаться к Телу и Крови Господа Иисуса Христа.

Нам небезызвестны замыслы сатаны, что он хочет наше истинное приобщение к Телу и Крови Христа, которое наполнено смыслом, благодатью и славой, перевести в область бессмысленного обряда. Да осуществляется в нашей жизни воля Иисуса Христа, не сатаны.

Кто может совершать вечерю Господню?

Истинно то, что Бог сделал нас, бывших грешников, царями и священниками (Откр. 1, 5–6; 5, 10; 1 Петр. 2, 9). Ими являются все истинные христиане. На этом основании некоторые верующие считают, что все могут совершать вечерю — преломление хлеба.

Понятно, что цари и священники естественно, без напряжения проявляют себя такими. Но многие, называющие себя христианами, хотя не проявляют себя царями и священниками, все же утверждают, что имеют

право священнодействовать. Они не в состоянии созидать Тело Христово и фактически содействовать духовному единению детей Божьих со Христом. Такие люди, претендуя на право совершать вечерю, домогаются священнодействия. Они не осознают, что Бог есть огонь поядающий, и не видят, что они в опасности, что их может постичь участь ветхозаветных предшественников (Числ. 16, 9–10, 28–33; Лев. 10, 1–5).

Могут ли все дети Божьи совершать вечерю Господню? Или это должны делать только рукоположенные служители?

Люди, благоговеющие перед Богом, обратят внимание на то, что даже для ежедневного раздаяния потребностей апостолы возложили руки на избранных для этого служения (Д. Ап. 6, 1–6). Не более ли требуется ставить и посвящать избираемых Богом на служение священнодействия через рукоположение пресвитерами? (1 Тим. 4, 14).

Мы находим, что священнодействие совершения вечери и благовествования Евангелия, то есть заповеди евангельские, по новому завету совершали Иисус Христос (Матф. 26, 26; Марк. 14, 22; Лук. 22, 19) и апостол Павел (Рим. 15, 15–16).

Нигде в Писании не сказано, что те, которые не поставлены и не рукоположены на служение, совершали или могут совершать вечерю Господню. Может ли это быть упущением?

Некоторые, ссылаясь на стихи из 2-й главы Книги Деяния апостолов (ст. 42 и 46), утверждают, что из этих стихов видно, что ежедневно по домам совершалась трапеза Господня. Все же на основании этого предположения строить учение нельзя. Возможно, по обстоятельствам их жизни так и было. Но завершенным является устройство церкви, когда пресвитеров ставят и рукополагают для священнодействия (Тит. 1, 5). Поэтому, познавая лучшее, мы соглашаемся с истиной, что по учению Нового Завета святыню, то есть заповедь вечери, следует совершать служителям поставленным, рукоположенным.

Но почему все же нет конкретного указания, что служение священнодействия могут совершать только служители?

Иисус предвидел, что Церковь будет проходить трудные времена отступления, как это было в Израиле во время земной жизни Иисуса Христа. Также Он предвидел пробуждение в народе и зарождение новых церквей без участия рукоположенных служителей. Для таких времен надо было оставить возможность в полном объеме совершать служение Богу по учению Нового Завета.

Мессианская надежда иудеев

В счастье и благополучии, вдали от горя и нужды, люди в большинстве своем бывают слишком самоуверенны. Часто только тяжелые испытания и несчастья напоминают им о всесильной помощи Божьей, о беспредельной любви Бога к человеку, и возгревают в сердце веру в Божественное провидение, вселяя надежду на улучшение жизни, в каких бы тяжелых условиях человек ни находился.

Так именно было и с избранным народом Божьим незадолго до рождения Господа нашего Иисуса Христа. Он испытал немало скорбей и горя. Если мы примем во внимание отчаянную борьбу с сирийцами при Маккавеях, бестактную политику Асмонеев, происходившие затем распри и раздоры среди самого иудейского народа, его страдания под римским игом от Помпея до Веспасиана, затем деспотическое для народа и дружественное Риму правление Ирода Великого и самовластное хозяйничанье его наследников, раболепство иудейской аристократии, бездушие и продажность римских наместников, борьбу различных народных партий и многие бедствия, перенесенные сверх того отдельными семействами и отдельными людьми,— то этого будет вполне достаточно для того, чтобы видеть, что в то время Палестина не была уже более страной, в которой «текли молоко и мед».

Как ни велико, однако же, было давление этих внешних обстоятельств,— гораздо более тяжелой нуждой для всех серьезных иудеев оказывалась нужда духовная — их духовные, нравственные потребности не были удовлетворены; они стремились к справедливости, к миру сердечному, к познанию пути спасения,— и все-таки при посредстве формального выполнения закона, всех своих благочестивых усилий, не достигали того, к чему стремились,— блаженного покоя души у них не было; искали новых дорог, но не находили истинной. Отчаявшись собственными силами достигнуть желаемого спасения или даже только улучшения своей тяжелой жизни, как в политическом, так и в нравственно-религиозном отношении, они, наконец, обратились к тому, с чего именно и нужно было начать: стали усматривать для себя утешение единственно только в древних обетованиях, пророчествах и верованиях своих предков. Вот почему убеждение женщины-самарянки, высказанное у колодца Иакова, тогда было убеждением очень многих иудеев, которые могли сказать ее

словами: «Знаю, что придет Мессия, то есть Христос; когда Он придет, то возвестит нам все» (Иоан. 4, 25). В то время более чем когда-либо иудеи жаждали освобождения от иностранного владычества, улучшения своего существования, а вместе с тем и мирных, благословенных Богом дней, которые принесли бы с собой и нравственное успокоение для души, и спасение.

Иудеям было естественно питать такую надежду, потому что она утверждалась, как на непоколебимом своем основании, на священных книгах закона и пророков, на Божьих обетованиях и вере отцов. Нечего, конечно, и говорить о том, что чем невыносимее становился для иудеев внешний и внутренний гнет, тем живее проявлялись желание и надежда на избавление от него. Вот почему ко времени земной жизни Господа нашего Иисуса Христа мы находим сердца всех израильтян уже исполненными страстным ожиданием, что Тот, Который был предвозвещен Моисеем и пророками, Мессия, придет скоро, а вместе с Его пришествием наступит и время желанного спасения. Едва Иоанн Креститель явился на Иордан с проповедью о покаянии, как «иудеи прислали из Иерусалима священников и левитов спросить его: кто ты?», потому что «народ был в ожидании, и все помышляли в сердцах своих об Иоанне, не Христос ли он» (Иоан. 1, 19; Лук. 3, 15). И действительно, путь приготовления человечества к принятию обетованного Искупителя уже был близок к своему концу; оставалось еще несколько моментов мрачной ночи,— занималась заря нового дня, осветившая весь мир своим необычайным и величественным светом.

Мессианская надежда иудеев, несомненно, опиравшаяся на канон священных книг Ветхого Завета, около описываемого нами времени поддерживалась, главным образом, изречениями из книги пророка Даниила. В последние два века перед пришествием Спасителя на землю мессианское ожидание иудеев получило довольно своеобразную и совершенно особенную форму в сравнении с той, какую оно имело в древности у патриархов и пророков, так что повсюду во времена земной жизни Господа нашего Иисуса Христа это ожидание будоражило народное сознание.

Как мы уже говорили, любимой книгой иудейского народа этого времени, что подтверждает и иудейский историк Иосиф Флавий, была книга пророка Даниила. И вот, согласно с находящимися в ней пророческими указаниями, иудеи ожидали, что языческие царства, которые представлены в книге пророка Даниила в образе сильных животных (7, 2–27), будут совершенно истреблены и разрушены, а вместо них будет учреждено Царство Божье, которое уже вовеки не разрушится (2, 44). Святые Всевышнего примут это Царство, станут его гражданами и будут владеть

им всегда (7, 18). В высшей степени скорбное и тяжелое время будет предшествовать спасению, но, в конце концов, все благочестивые, испив чашу страданий, примут участие в спасении (12, 1); давно умершие праведники снова пробудятся для вечной жизни, а люди злые и нечестивые подвергнутся вечному поруганию и посрамлению (12, 2). Вот почему и многие толковники с древнейших времен под «Сыном человеческим» (7, 13) здесь подразумевали только Владыку Царства Божьего, и Сам Христос называл Себя «Сыном человеческим» также, быть может, имея в виду именно эту священную книгу Ветхого Завета (Матф. 8, 20; 26, 64; Лук. 21, 27).

К сожалению, мы видим, что ожидаемый иудейским народом Спаситель представляется в них не религиозным только, но вместе и политическим, или, вернее, теократическим Мессией. С одной стороны вера иудеев, эта вековая хранительница мессианских обетований, которые только при ее посредстве и могли стать достоянием народного сознания, была нераздельно связана с устройством государственной и общественной жизни иудейского народа. С другой стороны, политическое положение, в котором находились иудеи, особенно в последние два столетия перед Рождеством Христовым, было слишком тяжелым и невыносимым. Улучшить его естественными силами было немыслимо. Только одна сверхъестественная, Божественная помощь, по убеждению самих иудеев, могла даровать им новую, лучшую жизнь. Вследствие этого иудейский народ в описываемую нами эпоху даже не мог мыслить Мессию, Который не был бы предназначен занять выдающегося положения в истории своей нации. А отсюда для нас ясно и то, каким образом огромное большинство иудеев ко времени земной жизни Господа нашего Иисуса Христа ставило на первое место именно политическое значение ожидаемого Мессии.

Образ мессианского царствования представлялся ими в таком виде:

- В Иудее явится Царь, который положит конец всяким войнам на земле.
- Язычники, которые попытаются еще раз восстать против Иерусалима, будут совершенно побеждены и покорены иудеями.
- В царствование «Святого» израильский народ обретет покой и мир,— после чего и языческие народы будут чтить истинного Бога и Его святой храм.

Так Бог устроит вечное Царство мира для всех людей.

Многие места ветхозаветных Писаний иудейскими толкователями понимались исключительно в мессианском смысле. В век евангельской истории это также было и народным воззрением (Иоан. 6, 14; 7, 31; Д. Ап. 13, 32). Предсказание Валаама о звезде Иакова (Числ. 24, 17) также понималось в чисто мессианском смысле, то есть, по толкованию, звезда эта

означала мессианского Царя, Которому должно прийти. В толкованиях пророческой книги Исаии (53, 5) Мессия предстает, как имеющий власть прощать грехи. Время Мессии есть время святости и правды. Грядущий отделит благочестивых от безбожников и первых приведет к блаженству, а последних к заслуженному наказанию.

Стоит заметить, что Иосиф Флавий, еврейский историк, известный дошедшими до нас трудами «Иудейские древности» и «Иудейская война», почти совершенно умалчивает о существовавших в то время народных ожиданиях и идеалах, намеренно обходя молчанием мессианские предсказания. Впрочем, и он допускает, что мессианские надежды укрепляли и поддерживали иудеев в решительных сражениях с римлянами во время осады Иерусалима; а его собственной надеждой, как толкует он пророчество Валаама, было то, что народ иудейский предназначен распространиться по всей земле и приобрести повсюду власть.

Вообще же, сдержанность Иосифа Флавия в освещении мессианских ожиданий иудеев вполне объясняется тем, что своими писаниями, предназначенными главным образом для римлян, он не хотел причинить иудеям зла. Он не хотел указать на них как на способных к постоянным возмущениям, а прежде всего, сам боялся того, чтобы не впасть в немилость и не вызвать недоверие римских императоров, так как и он был иудей, ожидавший Избавителя в политическом отношении. Между тем, как известно, он всеми способами старался добиться и получить благорасположение римских правителей. Иначе мог ли он, вопреки воззрениям и пониманию всего своего народа, мессианские предсказания относить, например, к Веспасиану как к истинному и предвозвещенному царю израильского народа, если только он сделал это не с той целью, чтобы польстить ему и через то приобрести себе его расположение и соединенные с этим выгоды?

Что народ иудейский перед пришествием на землю Спасителя напряженно ожидал скорого наступления мессианского времени, это доказывают не только голоса из среды его самого, но даже и из языческой среды, каковы, например, известные высказывания древнеримского историка Тацита, а также древнеримского историка и ученого-энциклопедиста Светония или поэта Древнего Рима Вергилия; далее — это же доказывают и попытки таких людей, которые, как Февда (Д. Ап. 5, 36) или лжепророки 70-х годов, выдавали себя за истинного Спасителя и среди народной толпы находили ревностных приверженцев. Уже в последние часы перед взятием Иерусалима один ложный пророк собрал вокруг себя в храме шесть тысяч человек, чтобы даровать им мнимое спасение. Даже и по разрушении города не погибли питаемые иудеями надежды на спасение и Спасителя.

Наконец, это видно и из ежедневной молитвы древних иудеев, Schmone Esre, которая, между прочим, содержала в себе прошение и о ниспослании обетованного Сына Давидова и о скорейшем устроении Его царства. Таким образом, иудеи продолжали надеяться на пришествие Спасителя и тогда, когда уже отвергли Его, когда не захотели следовать Тому, Который в одном лице был поистине Мессией Своего народа, Пророком, Первосвященником и Царем, конечно, не царем мира сего, но Царем всех царей, Владыкой Небесного и Вечного Царства (Иоан. 18, 36).

Вернемся ко времени, когда мессианские ожидания иудейского народа исполнились, то есть к тем временам, когда жил на земле наш Господь Иисус Христос, а вместе с тем и к тем мессианским воззрениям, которые мы находим в книгах Нового Завета. О том, что в этот период времени более чем когда-либо до этого или после этого, иудеи ожидали своего обетованного Мессию, мы узнаем из евангельских повествований.

Вопрос Иоанна Крестителя к Иисусу Христу: «Ты ли Тот, Который должен прийти, или ожидать нам другого?» (Матф. 11, 3) ясно говорит нам, как сильно было это желание и ожидание среди иудейского народа. Но самым главным и всеобщим было здесь то, что от обетованного Спасителя иудеи ожидали, прежде всего, восстановления государственной самостоятельности и политического величия Израиля.

Ученики Иисуса Христа не могли освободиться от этой надежды даже и после Его воскресения (Лук. 24, 21), как свидетельствуют об этом слова путников, шедших в Еммаус. И даже в самый день вознесения Иисуса Христа на небо апостолы еще спрашивали Его: «Не в сие ли время, Господи, восстановляешь Ты царство Израилю?» (Д. Ап. 1, 6).

Вот почему в свое время народная толпа хотела провозгласить Иисуса царем (Иоан. 6, 15); вот почему народ ликовал при Его входе в Иерусалим (Матф. 21, 8–9); вот почему обвиняя Христа перед Пилатом, книжники и фарисеи представляли Его народным возмутителем и бунтовщиком, опасным даже для государства Римского (Лук. 23, 2), а Пилат спросил Его, действительно ли Он считает Себя царем иудейским (Матф. 27, 11). А когда совет первосвященников и фарисеев высказывает мнение: «Если оставим Его так, то все уверуют в Него, и придут римляне и овладеют и местом нашим, и народом» (Иоан. 11, 48),— то отсюда мы узнаем, что с именем и явлением обетованного Мессии иудеи времен евангельской истории нераздельно связывали мысль о неизбежности государственного переворота и что враги Иисуса Христа были, по-видимому, правы, когда предполагали, что с признанием Его политическим царем в Палестине могла произойти народная революция с целью насильственного свержения тяжелого римского ига.

Но мы сделали бы большую ошибку, если бы допустили, что в то время все иудеи без исключения почитали своего обетованного и с часу на час ожидаемого Мессию только политическим царем. Нет, в душах людей возвышенных и истинно благочестивых предчувствовалось и иное, более возвышенное служение Его. Так, например, Иоанн Креститель прямо утверждает, что за ним будет идти Тот (Мессия), Который был уже прежде его, Который несравнимо сильнее его, Которому он не достоин даже развязать ремень обуви Его (Марк. 1, 7), Который будет крестить огнем и Духом (Матф. 3, 11), и этим он ставит Его, очевидно, не только выше себя, но и выше кого бы то ни было из людей.

Затем, не подлежит сомнению, что и все так называемые «чаявшие утешения Израилева», все благочестивые израильтяне всю свою надежду возлагали на обетования богодухновенного Писания (Лук. 1, 70–79) и ожидали не только Освободителя от врагов внешних, но вместе с тем и Спасителя от смерти и наказания за грехи. В своей хвалебной песни по случаю рождения богодарованного сына (ст. 67–79) священник Захария с восторгом говорит о посещении Богом Своего народа и спасении его от руки всех ненавидящих его, а целью служения Мессии он видит спасение через прощение грехов и водительство народа по пути мира и справедливости. А какой искренней и сердечной представляется благодарность престарелого Симеона за исполнение его надежды, когда он от всей глубины сердца восклицает: «Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром, ибо видели очи мои спасение Твое, которое Ты уготовал пред лицом всех народов, свет к просвещению язычников и славу народа Твоего Израиля» (Лук. 2, 29–32)!

Как созвучно этим словам было хвалебное слово пророчицы Анны, этой восьмидесятичетырехлетней вдовы, когда она прославляла Господа и говорила о Нем всем ожидающим избавления в Иерусалиме (Лук. 2, 36–38).

И таких благочестивых верующих, надеющихся душ, было, конечно, немало среди иудейского народа. На основании ветхозаветных пророчеств они твердо держались того убеждения, что уже должно быть близко к ним время спасения не только в плане восстановления государства, но и их духовного восстановления, что Ожидаемый ими должен явиться как Искупитель, как Спаситель, как Свет мира и Слава народа Своего — Израиля!

Знатные, каким был, например, благочестивый член совета Иосиф из Аримафеи (Марк. 15, 43), ожидали приближающегося Царства Божьего так же, как и представители простого народа — будущие ученики Иисуса Христа. И если от имени апостолов Петр торжественно исповедует своего Учителя: «Ты — Христос, Сын Бога живого!» (Матф. 16, 16), то этим

высказывается лишь общая уверенность учеников, что уже исполнилось в лице их Учителя то, чего они давным-давно ожидали. Подобным образом Марфа (Иоан. 11, 27) и Нафанаил (Иоан. 1, 49) также исповедуют Господа как Христа, как Сына Божьего, Царя Израилева.

Даже когда искуситель в пустыне и изгоняемые демоны говорят об Иисусе Христе как о Сыне Божьем (Матф. 4: 3, 6; Марк. 3, 11), этим они доказывают также только ту мысль, что таковым в то время ожидали Мессию многие из иудеев; они пользуются в этом случае лишь выражением, которое было тогда в народном употреблении.

Из торжественного допроса первосвященника Каиафы: «Заклинаю Тебя Богом живым, скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий?» (Матф. 26, 63) — мы также должны заключать, что иудеи того времени ожидали обетованного Мессию и как царя Израилева, и как Сына Божьего. Не указывают ли на такого рода ожидания даже и насмешки у креста: «...если Ты Сын Божий, сойди с креста» (Матф. 27, 40). Правда, некоторые из иудеев утверждали: «...мы знаем Его, откуда Он; Христос же когда придет, никто не будет знать, откуда Он» (Иоан. 7, 27). Но на это предположение, очевидно, должно смотреть только как на смутное предчувствие о таинственном, сверхъестественном происхождении ожидаемого Мессии, Его Божественном достоинстве. Что касается Его земного происхождения, они это знали из Священного Писания (Мих. 5, 2), что месторождением Его должен быть иудейский город — Вифлеем (Иоан. 7, 42).

Далее, если некоторые из иудеев, удивляясь чудесным делам, совершённым Иисусом Христом, замечали, что Мессия, когда придет, не сотворит больше знамений, чем сотворил Он, то это указывает нам на то, что в лице обетованного Мессии иудеи ожидали и необычайного чудотворца (Иоан. 7, 31; 6, 14). Вместе с тем Ему предписывали также и дар предвидения, или пророчества, которым бы Он мог доказать иудеям Свое мессианство (Матф. 21, 11). Наше предположение, что дар пророчества и проповедничества иудеи действительно приписывали ожидаемому Мессии, подтверждается не только указаниями евангельских повествований, но и тем обстоятельством, что являвшиеся впоследствии среди иудеев ложные мессии прямо называли себя пророками и таковыми признавал их народ.

Как пророка ожидали обетованного Мессию даже и самаряне. Но так как они основывали свою веру только на одном законе Моисеевом, то и в своих мессианских надеждах и ожиданиях они не шли дальше указаний, заключающихся в Торе. Вот почему и во времена земной жизни Господа нашего Иисуса Христа они утешали себя лишь пророчеством о Мессии, возвещенным через Моисея: «Пророка из среды тебя [Израиля], из

братьев твоих, как меня [Моисея], воздвигнет тебе Господь, Бог твой,— Его слушайте» (Втор. 18, 15). На основании этого пророчества самаряне под обетованным Мессией и представляли себе преимущественно святого Учителя, Пророка, который научит их всему, как это ясно вытекает и из речи самарянской женщины у колодца Иакова (Иоан. 4: 25, 29, 42).

Наконец, евангелисты (Матф. 20, 28; Иоан. 1, 29; 3, 14) и апостол Павел (1 Кор. 15, 3; Рим. 5, 6; Гал. 1, 4), в особенности в Послании к Евреям (7, 27; 9, 12) указывают нам и на первосвященническое служение ожидаемого иудеями Мессии.

После всего приведенного нами мы уже не должны более сомневаться в том, что ко времени земной жизни Господа нашего Иисуса Христа среди иудейского народа не было ничего столь сильного и могучего, как желание скорейшего исполнения мессианских пророчеств, изложенных в Писании. Мессианские ожидания заняли первое место в сердце каждого иудея; повсюду они достигали высшей степени своей напряженности и ясно свидетельствовали о своем существовании. Пусть для многих ожидаемый Мессия был только спасителем от внешнего гнета и бедствий, освободителем народа от чуждого владычества и могущественным царем, который должен был возвратить Палестине ее земное счастье и благополучие; но рядом с этим, несомненно, существовал также и образ высшего, духовного Мессии, образ того Божественного Посланника, Который приготовит спасение душе, даст мир совести, неизреченное блаженство всем жаждавшим Его пришествия.

Тем не менее, несмотря на все это, надежды многих не осуществились, они не увидели своего Мессию. Тот, Кто явился, на Ком исполнились все обетования Ветхого Завета, оказался выше всяких ожиданий. Выше всего мыслимого было служение Того, при появлении Которого в мир человеческий раздалась ангельская песнь: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!» (Лук. 2, 14). Иисус Христос есть поистине сшедший с небес Спаситель, Которым было обретено спасение и блаженство не только для Израиля, но и для всего мира! Он скорбел об Иерусалиме: «Иерусалим, Иерусалим!.. сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели! Се, оставляется вам дом ваш пуст» (Матф. 23, 37–38).

Но благодарение Богу! Свет Христов не ограничился лишь пределами Палестины. Он распространился и продолжает распространяться, озаряя все части мира, изгоняя тьму и освещая людям путь к вечной жизни.

Величайший человек на земле

В те дни приходит Иоанн Креститель,
и проповедует в пустыне Иудейской,
и говорит: покайтесь,
ибо приблизилось Царство Небесное.

Ибо он тот, о котором сказал пророк Исаия:
«глас вопиющего в пустыне:
приготовьте путь Господу,
прямыми сделайте стези Ему».

Сам же Иоанн имел одежду
из верблюжьего волоса и пояс кожаный
на чреслах своих, а пищею его были
акриды и дикий мед.

Тогда Иерусалим и вся Иудея,
и вся окрестность Иорданская выходили
к нему и крестились от него в Иордане,
исповедуя грехи свои.

Евангелие от Матфея 3, 1–6

Иоанн Креститель, в действительности, величайшая личность на земле. В лице Иоанна Крестителя, как большего пророка (Матф. 11, 9), произошла та знаменательная встреча всех пророков, говоривших о грядущем Мессии, с Самим Мессией, Который есть прежде всего и все Им стоит (Кол. 1, 17).

При крещении Иисуса была впервые наглядно явлена Божественная Троица: Отец, свидетельствующий с небес: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение», Сын, стоящий в воде, и Дух Святой, сходящий на Него в виде голубя (Матф. 3, 16–17). После крещения Иисуса Иоанн всенародно с твердой уверенностью провозгласил Иисуса как Агнца Божьего, Который берет на Себя грех мира, указывая на Голгофу и Его страдания (Иоан. 1, 29). На другой день Иоанн не только подтвердил это, но и засвидетельствовал, что «Сей есть Сын Божий» (ст. 34).

Как-то меня спросили: «Что делает человека великим?» Я не смог сразу дать нужный ответ, но этот вопрос побудил меня к размышлениям. В глазах мира можно получить право считать себя в какой-то мере великим по наследству, если ты родился в известной, богатой или влиятельной семье. Другие признаки мирского величия — это туго набитый кошелек, научные степени, глубокие знания в какой-нибудь области, выдающиеся спортивные достижения, артистические способности, высокий военный или политический пост и тому подобное.

Но если судить по таким критериям, то даже Христос не был великим. Обладая безграничной силой и мудростью, Он родился в непримечательной семье, Его отец был простым плотником. Даже в зрелом возрасте Иисус не располагал доходным делом, не имел стад коров или овец, Своего дома и даже простого шатра. Он говорил о Себе: «лисицы имеют норы, и птицы небесные — гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Матф. 8, 20). Общее образование Иисуса было невысоким (если оно вообще было), Он не занимал никакого политического поста, не представлял из Себя ничего особенного с мирской точки зрения.

Иоанн Креститель по мирским стандартам был еще менее великим, однако удостоился быть названным величайшим из всех людей на земле. Иисус сказал о нем: «Истинно говорю вам: из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя...» (Матф. 11, 11). Иоанн оказался более великим, чем Ной, Авраам, Исаак, Иаков или Иосиф, более великим, чем Моисей, Илия, Давид или любой другой ветхозаветный муж Божий. Он оказался более великим, чем все цари, императоры, философы или военные диктаторы в истории человечества. Однако же, как и Сам Иисус, он родился в простой семье. Его отец Захария был одним из многих священников, по очереди служивших в храме согласно распорядку священнической череды. Его мать, Елисавета, также принадлежала к колену Левия и была из потомков первого великого священника Аарона (Лук. 1, 5). Но таких, как она, было много, и в большинстве своем они были ничем не примечательны и малоизвестны. Таково семейное наследие Иоанна Крестителя.

Когда же Иоанн подрос, он, возможно, еще будучи подростком, поселился в пустыне Иудейской и жил там почти как отшельник, презрев и то малое социальное и экономическое благополучие, которым располагал. И тем не менее Лука написал о нем: «Он будет велик пред Господом...» (Лук. 1, 15).

Причина настолько похвального отзыва раскрывается евангелистом Матфеем (3, 1–6), где он вкратце описывает жизнь и служение Иоанна Крестителя, а также показывает, что труд Иоанна служил еще одним свидетельством царского положения Христа.

В первой главе Евангелия от Матфея царское положение Христа доказывается Его рождением — на основании непорочного зачатия и происхождения от Давида. Во второй главе Его царское положение подтверждается необычными обстоятельствами, сопровождавшими Его рождение —

поклонением волхвов, ненавистью Ирода и божественной охраной младенца Иисуса. А в третьей главе доказательства приводятся через глашатая, провозвестившего приход Царя. Иоанн назван величайшим человеком на земле, потому что был провозвестником еще большего — Мессии. Его величие связано с высоким призванием.

В древние века о продвижении монарха сообщал глашатай, готовивший ему безопасный путь и подобающий прием. С помощью сопровождавших его слуг глашатай старался подготовить дорогу: засыпались ямы, отбрасывались в сторону камни и прочие обломки, а мусор сжигался или прятался. По мере продвижения группы слуг глашатай возвещал о царском приезде всем, кого встречал. Его обязанность была двойной: предупреждать и готовить. Таким было и служение Иоанна Крестителя перед лицом величайшего из Царей — Иисуса Христа.

Знакомя нас с глашатаем Христа, Матфей показывает его личность, суть проповеди, мотивы, миссию, образ жизни и служение.

ЛИЧНОСТЬ ГЛАШАТАЯ

В те дни приходит Иоанн Креститель,
и проповедует в пустыне Иудейской.
Матф. 3, 1

Фраза «в те дни» является переходом между второй и третьей главами. Это обычный речевой оборот, указывающий на приблизительное время происходящих событий. С тех пор, как Иосиф привел ребенка Иисуса и Его мать в Назарет, и до начала публичного служения Иоанна прошло почти тридцать лет. И только Лука (2, 39–52) рассказывает нам кое-что о жизни Иисуса в эти годы, в остальном же Библия хранит молчание.

Имя Иоанн было довольно распространено среди иудеев в новозаветные времена и являлось греческим производным от еврейского Иоханан, что означает «Иегова милостив». Креститель — эпитет, закрепившийся за Иоанном, поскольку крещение составляло важную и весьма заметную часть его служения.

Родители Иоанна «были праведны пред Богом, поступая по всем заповедям и уставам Господним беспорочно». Но у них не было детей, а Елисавета, как некогда Сарра перед рождением Исаака, тоже вышла из детородного возраста (Лук. 1, 6–7). Однажды, когда Захария совершал священническое служение в храме, «явился ему Ангел Господень, стоя по правую сторону жертвенника кадильного» (Лук. 1, 11). И сказал ему ангел: «...жена твоя Елисавета родит тебе сына, и наречешь ему имя: Иоанн; и будет тебе радость и веселие, и многие о рождении его возрадуются, ибо

он будет велик пред Господом...» (ст. 13–15). Сам Бог дал Иоанну имя и предопределил ему быть великим еще до его рождения!

Иоанн будет исполнен «Духа Святого... еще от чрева матери своей; и многих из сынов Израилевых обратит к Господу Богу их» (Лук. 1, 15–16). Но еще важнее то, что Иоанн будет идти «пред Ним в духе и силе Илии... дабы представить Господу народ приготовленный» (ст. 17). Да и сам отец Иоанна «исполнился Святого Духа и пророчествовал» об Иоанне: «И ты, младенец, наречешься пророком Всевышнего, ибо предыдешь пред лицом Господа приготовить пути Ему» (ст. 67, 76). «Младенец же возрастал и укреплялся духом, и был в пустынях до дня явления своего Израилю» (ст. 80).

Таков Иоанн. Его рождение сопровождалось сверхъестественными событиями, он был исполнен Духа Святого от чрева матери, был велик в очах Божьих и должен был стать глашатаем Мессии, возвещая о Нем и приготовляя людей к Его пришествию. И потому нет ничего странного в том, что Иисус сказал: «Из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя...» (Матф. 11, 11). Великий муж Божий был отделен и поставлен глашатаем, извещающим народ о приходе великого Царя.

Глагол «предыдешь» взят от греч. слова *парагиномай*, часто обозначающего официальное прибытие, как, например, приход волхвов (Матф. 2, 1) или публичное выступление начальника или учителя (Матф. 3, 13). Тридцать лет и Иоанн, и Иисус провели в относительной безызвестности. Теперь же появление глашатая предвещало скорый приход Самого Царя. Так начало служения Иоанна возвестило о начале служения Иисуса (Д. Ап. 10, 37–38).

Основной смысл слова «проповедует» (керуссо) — «провозглашает». Так говорили о человеке, который громко вещал о приближении царя. Матфей употребляет этот термин также в отношении Иисуса и апостолов.

Иоанн прекрасно понимал свое положение и задачу. Он не искал и не принимал почестей, разве только в адрес Того, Чье явление он возвещал. Еще в детстве он наверняка слышал неоднократно, как ангел предсказал его рождение и миссию — миссию, от которой он ни на шаг не отступал, не уклонялся и от которой не искал себе выгоды или славы. Когда священники и левиты пришли из Иерусалима спросить, кто он, Иоанн отвечал им: «Я не Христос» (Иоан. 1, 19–20). Он не назвал себя даже Илией или пророком (ст. 21). Когда же они настойчиво повторили вопрос, он просто сказал: «Я глас вопиющего в пустыне: „Исправьте путь Господу“, как сказал пророк Исаия» (ст. 23).

Вопрос, не Илия ли он, открывает для нас важную истину. Даже по сей день в ортодоксальных еврейских семьях за пасхальным столом оставляется чаша специально для Илии, а при обрезании иудейских мальчиков

для Илии ставится пустой стул. Считается, что когда пророк займет свое место или отопьет из чаши, тогда придет и Мессия. Это мнение основывается на пророчестве Малахии: «Вот, Я пошлю к вам Илию пророка пред наступлением дня Господня, великого и страшного. И он обратит сердца отцов к детям и сердца детей к отцам их...» (4, 5–6).

Однако, как Иоанн Креститель сам признался, он не был в буквальном смысле воскресшим Илией, как ожидали или даже сейчас ожидают многие иудеи. И все же он был тем самым Илией, о котором предсказывал пророк Малахия. Это подтверждается Евангелием от Луки, где сказано, что Иоанн «предыдет пред Ним в духе и силе Илии» (1, 17).

Сам Иисус после убийства Иоанна Крестителя* ясно показал, что предположения иудеев не совпадали с замыслом Божьим. «Иисус сказал им в ответ: правда, Илия должен прийти прежде и устроить все; но говорю вам, что Илия уже пришел, и не узнали его, а поступили с ним, как хотели; так и Сын Человеческий пострадает от них. Тогда ученики поняли, что Он говорил им об Иоанне Крестителе» (Матф. 17, 11–13).

Поскольку иудеи не признали в Иоанне Крестителе истинного Илию, тем самым они не дали исполниться второй части пророчества, как оно первоначально звучало у Малахии. «И если хотите принять,— говорил Иисус об Иоанне,— он есть Илия, которому должно прийти» (Матф. 11, 14). Однако Иоанна не просто не приняли — он был осмеян, брошен в тюрьму и обезглавлен. И точно так же, как отвергли глашатая, отвергнут и его

* Для того чтобы понять, зачем Ирод Антипа велел схватить и обезглавить Иоанна Крестителя, следует представить всеобщее возбуждение, вызванное появлением Иоанна и провозглашавшейся им вестью о Мессии (Лук. 3, 15–18). Ирод и другие мирские правители явно боялись, что кто-нибудь может возглавить толпы, объявив себя долгожданным Мессией. Мессианские движения возникали и до Иоанна, и они вели к бунтам против правления римлян и династии Иродов.

Кроме того, Ирод Антипа вызывал много нареканий из-за своего брака с Иродиадой, бывшей женой его брата Филиппа. Его первый брак, с дочерью Ареты II, был заключен из политических соображений и скреплял союз между семейством Иродов и наватейским царством Перея. Связь с Иродиадой привела к нарушению союза и расколу между двумя семействами. Иоанн осуждал новый брак Ирода (Матф. 14, 3–4), и Ирод мог истолковать это как выступление против его власти.

Иудейский историк Иосиф Флавий рассказывает, что Ирод арестовал Иоанна, потому что боялся его влияния на толпы. Если верить Иосифу Флавию, то Иоанн был заключен в крепости Махерон на восточном берегу Мертвого моря. Ирод не убил Иоанна сразу, потому что боялся этого праведника и реакции народа (Матф. 14, 5).

Иосиф Флавий ничего не рассказывает о дальнейшем, но Евангелия сообщают о враждебном отношении Иродиады к Иоанну и ее заговоре, когда ей удалось использовать танец дочери, чтобы добиться казни Крестителя (Марк. 6, 21–29). Иоанн был обезглавлен по просьбе Иродиады примерно в 29 или 30 г. по Р. Х.

(Большой Библейский словарь под редакцией Уолтера Элуэлла и Филиппа Камфорта.)

Царя. Иоанн был обезглавлен, а Иисуса распнут. Поэтому Израиль упустил свой шанс, и установление Царства Божьего отложено.

Все в Иоанне Крестителе было удивительно и уникально: и его неожиданное появление, и его образ жизни, и проповедь, и крещение, и его смирение. Его мать долгое время была неплодна. Иоанн был священником по происхождению, но стал пророком. Он не продолжил служение своего земного отца ради служения Отцу небесному. Проведя большую часть жизни в пустыне, в нужный момент он услышал голос Божий в своем сердце и стал громогласно провозглашать близкий приход Царя — весть, сообщенную ему Самим Господом.

В этом мире к приходу царя или другой важной персоны готовятся с большим усердием и блеском, не жалея средств. Даже глашатай одевается в лучшие платья, останавливается только в лучших гостиницах, общается лишь с людьми высшего круга и готовит царю визиты в достойнейшие учреждения. Но Божий промысел для Своего Сына не таков. Родители Иоанна Крестителя были ничем не примечательны, одевался он странно даже для своего времени, а служение нес, главным образом, в глухой и малопривлекательной провинции.

Все это, тем не менее, было не случайно и не напрасно. Это символизировало суть служения Иоанна — призывать людей от порочных и мертвых религиозных дел того времени, от обрядности, мирского образа жизни, лицемерия и поверхностной религиозности. Иоанн призывал их выйти из Иерусалима и Иерихона, из городов в пустыню. Иоанн уводил их туда, где ничто не мешало слушать, размышлять и обдумывать, оторвавшись от житейской суеты и заблудших руководителей, которым они так привыкли повиноваться. В этом, на первый взгляд, необитаемом месте народ мог оценить величие человека Божьего и Того, Чье пришествие он возвещал.

ПРОПОВЕДЬ ИОАННА

Проповедь Иоанна была настолько проста, что ее можно обобщить одним словом: «Покайтесь» (Матф. 3, 1–2). Он призывал не просто поскорбеть или посожалеть о содеянных грехах, а развернуться, сменить направление, переменить волю и разум; не просто измениться к лучшему, а обратиться от греха к праведности. Где бы ни встретилось это слово в Новом Завете, оно всегда подразумевает перемену целей и самого образа мыслей, причем — от греха к святости. Покаяние означает плач о грехе, но лишь тот плач, который заставляет переменить свои взгляды, желания и образ жизни. «Ибо печаль ради Бога,— говорит Павел,— производит неизменное покаяние к спасению...» (2 Кор. 7, 10). Таким образом, повеление Иоанна Крестителя «покайтесь» следует воспринимать как «обратитесь».

Темой подготовительной проповеди Иоанна Крестителя к приходу Царя было покаяние, обращение, требование изменить жизнь. Такая новость не могла понравиться иудеям, считавшим, что как избранный народ Божий,— дети Авраама, сыны завета,— они при любых обстоятельствах заслуживали обещанного Царя. Зная такие настроения, Иоанн позже сказал своим слушателям: «И не думайте говорить в себе: „отец у нас Авраам“, ибо говорю вам, что Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму» (Матф. 3, 9). Богу не важно было генеалогическое наследие Его народа, Ему важна их духовная жизнь. Иоанн как бы говорил: «Царь требует, чтобы вы полностью изменили свою жизнь, полностью обратились, полностью поменялись». Бог призывает к коренным изменениям и преображению, которое касается разума, воли и чувств — то есть всего человека. Иоанн сказал простую истину: «Вы ничем не отличаетесь от язычников. И вы не войдете в Царство до тех пор, пока не раскаетесь и не обратитесь от власти греха к праведности». Он призывал к истинному покаянию, которое приносит плод измененной жизни (Матф. 3, 8) и подтверждается водным крещением (ст. 11). Нежелание каяться приведет к строгому суду (11, 20–24; 12, 38–41).

Сам Иисус, а затем и двенадцать апостолов начинали свою проповедь тоже с темы покаяния. «Исполнилось время и приблизилось Царствие Божие,— провозглашал Иисус,— покайтесь и веруйте в Евангелие» (Марк. 1, 15). О двенадцати апостолах сказано: «Они пошли и проповедовали покаяние» (Марк. 6, 12). Заключительные слова проповеди Петра в день Пятидесятницы звучали таким образом: «Покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов...» (Д. Ап. 2, 38).

Тесная связь между покаянием и обращением видна также в других стихах, где слово «покаяние» отсутствует, но сама идея присутствует (Матф. 18, 3). Итог всему подводит свидетельство Павла о цели его служения — «чтобы они [люди] покаялись и обратились к Богу, делая дела, достойные покаяния» (Д. Ап. 26, 20).

МОТИВ

Иоанн так объяснял свой призыв к покаянию: «...приблизилось Царство Небесное» (Матф. 3, 2). Нужно покаяться и обратиться, потому что Царь близко, и этот Царь требует и заслуживает этого. Нераскаянные и необратившиеся грешники не способны воздать Царю достойную славу, они не принадлежат Ему и не пригодны для Царства Небесного.

После пророчества Малахии наступили четыреста лет молчания, когда не было новых прямых откровений от Бога. Теперь, спустя четыреста лет, народ израильский снова услышал пророческое слово от Господа.

Когда же слово Его снова посетило Израиль, провозглашая приход Царя, оно оказалось не долгожданным словом радости, утешения и торжества, а вестью предупреждения и упрека. Царство Небесное, готовое сойти на землю, приблизилось, но народ не был готов.

Несмотря на подобные предупреждения со стороны пророков, многие из народа и большая часть вождей не были готовы к тому, что проповедовал Иоанн. Его слова шокировали, они были неожиданны и неприемлемы. Людям трудно было понять, что, даже будучи народом Божьим, они должны что-то сделать, чтобы наследовать Царство Небесное, а не просто дождаться и получить его. Большинство иудеев считали, что Мессия был их Мессией, Царь был их Царем, Спаситель был их Спасителем, обетование было их обетованием. Они считали, что каждый иудей автоматически становился гражданином Царства, а всякий язычник автоматически исключался, кроме маленькой кучки прозелитов. Однако Иоанн полностью опроверг это мнение.

Но проповедь Иоанна была вестью от Господа, и он не отступился от нее ради популярных верований или нелепых идей, бытовавших в народе. Слово его было исключительно словом Божьим, и он не возвещал иного царства, кроме Божьего, и иного приготовления, кроме требуемого Господом. Приготовление заключалось в покаянии. Божьи требования не изменились бы, даже если бы в результате все иудеи погибли, а все язычники спаслись. Господь знал, что кто-то из иудеев спасется, но без личного покаяния и обращения не спасется никто.

Хотя самой фразы «Царство Небесное» в Ветхом Завете нет,— это ветхозаветная концепция. Давид возвещает, что «Господь — Царь на веки» (Пс. 9, 37), что Его Царство вечно и владычество Его «во все роды» (144, 13). Даниил, в свою очередь, говорил, что «Бог небесный воздвигнет царство, которое вовеки не разрушится...» (Дан. 2, 44), «Царство Его — царство вечное, и владычество Его — в роды и роды» (3, 33). Небесный Бог является Небесным Царем, а Царство Небесное — это Царство Божье.

Матфей 32 раза употребляет фразу «Царство Небесное». Он — единственный из евангелистов, который употребляет ее вообще. Все остальные говорят о «Царстве Божьем». Возможно, Матфей называет его Царством Небесным, поскольку так было более понятно для его читателей-иудеев, которым первоначально было адресовано Евангелие. Иудеи не произносили вслух имя Бога (Яхве или Иегова), замещая его словом «небо» — как, например, иногда говорят: «Сегодня небеса благосклонны ко мне».

Между фразами «Царство Божье» и «Царство Небесное» нет существенной разницы. Если первая фраза обращает наше внимание на державного Властителя Вселенной, то вторая указывает на само Царство, хотя Царство

в обеих фразах одно и то же. Равенство формулировок подтверждается в Евангелии от Матфея (19, 23–24), где они используются поочередно.

Царство предполагает два аспекта: внешний и внутренний,— и в Евангелиях упоминаются оба аспекта. Читая Евангелие от Матфея, их невозможно не заметить. В самом широком смысле слова Царство включает в себя всех, исповедующих веру в Бога. Притча Иисуса о сеятеле и семени утверждает, что Царство включает и искренних, и поверхностных верующих (Матф. 13, 3–23), а в следующей притче (ст. 24–30) в него включены и пшеница (истинные верующие), и плевелы (поддельные верующие). Такова внешняя сторона Царства, которая видна невооруженным глазом, но по которой трудно что-либо говорить определенно, поскольку мы не видим сердца человека.

Другое Царство — внутреннее. Это Царство включает в себя только истинных верующих, только тех, кто раскаялся и обратился, как проповедовал Иоанн Креститель. Бог царствует и над тем, и над другим, и в один прекрасный момент Он отделит поверхностное от настоящего. А пока притворщикам позволено делать вид, будто и они в Царстве Небесном.

Царствование Бога в сердцах людей и над целым миром можно представить в виде нескольких фаз.

Первая — это будущее, или предреченное, Царство, как то, о котором писал Даниил.

Вторая фаза — настоящее Царство, которое было во времена Иоанна Крестителя и о котором он проповедовал. Именно об этом Царстве говорили Иоанн и Иисус, что оно приблизилось (Матф. 4, 17).

Третью фазу можно назвать промежуточным Царством — Царством, которое возникло в результате отвержения Израилем своего Царя. Царь вернулся на Небо, и Царство Его существует только в духовном виде. Христос господствует над землей в том смысле, что является ее Создателем и верховным Правителем, но в данный момент Он не осуществляет над ней полного Божественного руководства. Он как бы находится в добровольном изгнании до поры до времени и правит только в сердцах тех, кто познал Его как Спасителя и Господа. Для них Царство Божье есть «праведность и мир и радость во Святом Духе» (Рим. 14, 17).

Четвертую фазу можно описать как явное Царство, в котором Христос будет править на земле видимым образом, непосредственно и полноправно, в течение тысячи лет — знаменитое Тысячелетнее Царство. Тогда Он будет править и внешне, и внутренне: внешне — над всем человечеством, а внутренне — в сердцах людей, верой принадлежащих Ему.

Пятая, и последняя, фаза — «вечное Царство Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа», в которое откроется «свободный вход» Его народу (2 Петр. 1, 11).

Если бы народ Божий, Израиль, с первого раза принял своего Царя, не было бы нужды в промежуточном Царстве. Приблизившееся Царство стало бы Тысячелетним, а то, в свою очередь, плавно перетекло бы в вечное Царство. Но поскольку предтечу Царя, а затем и Его Самого убили, Тысячелетнее Царство, а следовательно и вечное, державной властью были отложены.

МИССИЯ ИОАННА КРЕСТИТЕЛЯ

Ибо он тот, о котором сказал пророк Исаия: «глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему».

Матф. 3, 3

Миссия Иоанна Крестителя была задолго до этого описана пророком Исаией (40, 3–4). И снова Матфей подчеркивает исполнение пророчества в пришествии Иисуса Христа как Небесного Царя (Матф. 1, 22; 2: 5, 15, 17). Но, будучи глашатаем Величайшего из царей, Иоанн расчищал не дороги и тропинки, а сердца людей от всевозможных препятствий, мешавших им приблизиться к Царю. Путь Господа — это путь покаяния, это поворот от грехов к праведности и превращение искривленных нравственных и духовных стезей в прямые, чтобы по ним мог пройти Царь. «Всякий дол да наполнится, и всякая гора и холм да понизятся, кривизны выпрямятся, и неровные пути сделаются гладкими; и явится слава Господня, и узрит всякая плоть спасение Божие...» (Ис. 40, 4–5). Голос Иоанна, вопиющего в пустыне Иудейской, был голосом настоятельного призыва, повелевающего людям покаяться, исповедать свой грех и признать нужду в Спасителе. Его пути хорошо известны, потому что ясно открыты в Писании.

ОБРАЗ ЖИЗНИ ИОАННА КРЕСТИТЕЛЯ

Сам же Иоанн имел одежду из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах своих, а пищей его были акриды и дикий мед.

Матф. 3, 4

Должно быть, Иоанн представлял собой удивительное зрелище. Называя себя посланником Божьим, он одевался, жил и говорил не так, как другие религиозные вожди. Те прилично выглядели, были хорошо одетыми, сытыми, бесконечно мудрыми и мирскими. Но все это, очевидно, мало заботило Иоанна — он даже намеренно пренебрегал внешним видом. Одежда из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах его были настолько же просты и непривлекательны, как и пустыня, в которой он жил и проповедовал. Его одежда была практичной и износостойкой, но никто

не назвал бы ее модной или удобной. В этом отношении Иоанн сильно походил на Илию (4 Цар. 1, 8). Его меню, состоявшее из акрид и дикого меда, было не менее спартанским, чем одеяние. Оно было питательным, но не более того.

И одежда, и пища, и образ жизни Иоанна служили молчаливым упреком самодовольным и избалованным религиозным вождям Израиля: книжникам, фарисеям, саддукеям и священникам. Они также обличали простой народ, который, хотя и не мог насладиться привилегиями своих вождей, тем не менее одобрял их и жаждал того же.

Иоанн не ставил своей целью превратить людей в отшельников или аскетов. Он не призывал никого, даже своих учеников, одеваться и жить так, как жил сам. И все же его образ жизни заставлял задуматься о тех многих страстях и удовольствиях, которые не дают людям оставить свой путь и стать на путь Божий.

СЛУЖЕНИЕ

Тогда Иерусалим и вся Иудея, и вся окрестность иорданская выходили к нему и крестились от него в Иордане, исповедуя грехи свои.

Матф. 3, 5–6

Проповедь Иоанна вызвала незамедлительный отклик. Народ приходил даже из Иерусалима, находившегося на значительном расстоянии. По сути, вся Иудея и вся окрестность иорданская выходили к нему. Другими словами, люди шли со всей южной части Палестины, включая оба берега реки Иордан. Как станет известно позже, народ почитал Иоанна за пророка (Матф. 21, 26).

Немаловажно то, что иудеи крестились от Иоанна, поскольку крещение не было традиционным иудейским обрядом. Крещение Иоанна разительно отличалось от ветхозаветных омовений, включавших в себя омовение рук, ног и головы. Ессеи, группа иудейских аскетов, которые проживали на северо-западном побережье Мертвого моря, практиковали обрядовое омовение, напоминавшее крещение. Однако и ветхозаветные омовения, и омовения ессеев повторялись неоднократно, ессейские — даже несколько раз в день или ежечасно. Все они символизировали повторное очищение за совершаемые грехи.

В отличие от них крещение Иоанна было однократным. Единственное однократное омовение, совершавшееся в иудаизме, предназначалось для язычников. Оно символизировало их обращение в истинную иудейскую веру. Любой иудей, совершавший такой обряд, показывал, что признает себя как бы язычником, желающим присоединиться к народу Божьему —

признание для иудея из ряда вон выходящее. Представители избранного народа, потомки Авраама, наследники завета Моисеева приходили к Иоанну, чтобы креститься, словно язычники!

Такой поступок символизировал для мира признание того, что ни расовая принадлежность, ни даже именование себя избранным народом Божьим и наследниками обетования не могло спасти. Чтобы получить спасение, им нужно было покаяться, оставить свой грех и поверить в Господа. Публичным свидетельством этого и служило крещение с исповеданием грехов. Единственный путь в Царство для них, как и для язычников, лежал через покаяние и веру, включая публичное признание своих грехов.

Из последующих событий в Евангелиях мы знаем, что многие из тех людей каялись напоказ или лицемерно, поскольку Иоанн вскоре утратил большую часть своих последователей, как и Сам Иисус в конце земной жизни утратит Свою популярность. Тем не менее, служение Иоанна оказало глубочайшее и неизгладимое влияние на еврейский народ. Требования Небесного Царя были провозглашены, и у них не осталось уважительных причин быть неготовыми.

Истинное величие Иоанна Крестителя подтверждают шесть качеств:

1. Он был исполнен и руководим Духом Святым еще «от чрева матери» (Лук. 1, 15).

2. Он был послушен Слову Божьему. С самого детства он исполнял волю Господа и никогда от нее не уклонялся.

3. Он был воздержан, ибо не пил «вина и сикера» (Лук. 1, 15). В одежде, пище и образе жизни он был весьма умерен и аскетичен.

4. Он был кроток. Его целью было провозглашать Царя, а не брать на себя Его функции или строить из себя царскую особу. Отзываясь об Иисусе, Иоанн говорил: «Идет за мною Сильнейший меня, у Которого я не достоин, наклонившись, развязать ремень обуви Его» (Марк. 1, 7), и в другой ситуации: «Ему должно расти, а мне умаляться» (Иоан. 3, 30).

5. Он смело и верно проповедовал Слово Божье, громогласно провозглашая его в пустыне всем, желающим слушать.

6. Он обратил многих из сынов Израилевых к Господу, Богу их (Лук. 1, 16).

Вот лучший образец для всех, кто ищет истинного величия!

Истина и свобода

Искали люди истину всегда,
Ученья их рождались, словно волны,
Текли столетья жизни, как вода,
А люди правды жаждали все полной.

Отвергнув мудрость Бога и Творца,
Искали люди титулы и званья
И, убежав от Божьего лица,
За жизнь считали блеск существованья.

Но Бог явился людям во Христе,
Призвав людей к Себе и к покаянью.
В святой любви распятый на кресте
Он всем явил возможность оправданья.

Он уплатил за все грехи людей,
Явив Собою мир и дар прощенья,
Унизил ложность немощных идей
Своей любовью, силой Воскресенья.

Нельзя ведь Божью истину убить,
Пред нею все бессильны человеки,
Возможность есть всем верить и любить,
И дар спасенья всем иметь навеки.

Ведь не в ученьях истина для нас,
Она — не что, а Кто, в Его явленье,
Мы в Слове Божьем слышим ее глас,
А в Сыне Божьем видим исполненье.

Так много рабства в грешной суете,
И — плен для всех,
кто жаждет славы тленной,
Ученики свободны во Христе,
Он — путь, и жизнь, и истина Вселенной.

ОСНОВАТЕЛЬ *христианства*

Когда пришла «полнота времени», то есть процесс приготовления мира к приходу Христа был завершен, а нужда мира в искуплении полностью раскрыта, Бог послал Своего единородного Сына, «Желаемого всеми народами», искупить мир от проклятия греха и установить вечное царство истины, любви и мира для всех, кто уверует в Него.

В Иисусе Христе завершилась история приготовления к рождению христианства — как божественная, так и человеческая. В Нем достигают своей высшей точки все предыдущие откровения Бога иудеям и язычникам, в Нем исполняются их самые сокровенные мечты об искуплении. Апостол Иоанн говорит, что по Своей Божественной природе, как Логос (Слово), Иисус Христос — вечный Сын Отца, Который был главным действующим лицом в сотворении и сохранении мира, а также во всех явлениях Бога, завершившихся воплощением.

По Своей человеческой природе, как Иисус из Назарета, Христос — спелый плод духовного роста человечества, имеющий земное родословие, которое апостол Матфей (евангелист Израиля) прослеживает до Авраама, патриарха евреев, а Лука (евангелист язычников) — до Адама, отца всех людей. В Нем обитает телесно вся полнота Божества; в Нем воплощен идеал человеческой добродетели и благочестия. Он — вечная Истина и сама Божественная Жизнь, личностным образом соединенная с нашей природой; Он — наш Господь и наш Бог, но одновременно и плоть от нашей плоти, кровь от нашей крови.

В Нем обрела свое решение проблема всякой веры: примирение и общение человека с Богом; и мы не должны ожидать более ясного откровения от Бога или более высокого достижения человека на поприще веры, чем то, которое уже осуществлено в Его лице.

Но Христос не просто завершает Собой всю предшествующую историю — Он также закладывает начало бесконечного будущего. Он — Автор нового творения, последний Адам, Отец возрожденного человечества, Глава Церкви, «которая есть Тело Его, полнота Наполняющего все во всем» (Еф. 1, 23). Он — чистый Источник света и жизни, воды которого непрерывно текут и будут течь до тех пор, пока земля не наполнится хвалой Ему и всякий язык не исповедует, что Он — Господь в славу Бога Отца. Всемирное распространение и абсолютное господство Духа и жизни Христа также станет концом человечества, завершением истории и началом славной вечности.

Перед биографом Иисуса стоит великая и трудная задача — показать, каким образом благодаря внешнему и внутреннему развитию в условиях конкретного народа, конкретного времени и конкретной страны Он в действительности стал Тем, Кем был по замыслу и предназначению и Кем пребудет для всех верующих христиан — Богочеловеком и Спасителем мира. Будучи Богом от вечности, Ему не надо было достигать Божественности; но как человек Он подчинялся законам человеческой жизни и постепенного роста. «Иисус же преуспевал в премудрости и возрасте и в любви у Бога и человеков» (Лук. 2, 52). Даже будучи Сыном Божьим, Он «страданиями навык послушанию, и, совершившись, сделался для всех послушных Ему виновником спасения вечного» (Евр. 5, 8–9). Между историческим Иисусом из Назарета и идеальным Христом веры нет никаких противоречий. Полностью осознав подлинность Его человеческой жизни — с ее совершенством и величием, которые недостижимы ни для одного человека до или после Него,— мы

непременно согласимся с тем, что Он Сам говорил о Своей Божественности.

Иисус Христос пришел в мир при Цезаре Августе, первом римском императоре, еще при жизни Ирода Великого. Он был рожден Марией, девственной матерью, в Вифлееме Иудейском и принадлежал к царскому роду Давида. На земле царил мир, и ворота храма Януса* на римском форуме** были закрыты, что было лишь второй раз за всю историю Рима. Это стечение обстоятельств было очень уместно и в политическом, и в нравственном отношении: благодаря ему была услышана тихая весть о мире, которую воинственные крики и лязг оружия могли бы заглушить. Небесные ангелы песнями хвалы возвестили радостную новость о Его рождении; пастухи-евреи с соседних полей и волхвы-язычники из далеких восточных стран приветствовали новорожденного Царя и Спасителя со всем трепетом верующих сердец. Небеса и земля собрались вокруг младенца Христа в радостном поклонении, и благословение этого события из года в год повторяется для знатных и простых, богатых и бедных, старых и молодых во всем мире.

Мысль о том, что обыкновенный человеческий ребенок, родившийся естественным образом, может быть совершенен, безгрешен и свят, никогда прежде не приходила в голову поэтам и историкам. И когда молчание евангелистов о детских и юношеских годах жизни Иисуса попытались заменить фантастическими выдумками апокрифических евангелий, получился лишь неестественный портрет вундеркинда, которому поклонялись животные, деревья и безгласные идолы и который превращал глиняные шарики в живых птиц на потеху приятелям.

Молодые годы Иисуса покрыты завесой тайны. Нам известен лишь один, но очень значительный факт. Двенадцатилетним мальчиком Он поразил книжников в храме Своими вопросами и ответами, не оттолкнув их при этом несдержанностью и незрелой мудростью. Родители Иисуса испытали почтение и благоговейный страх при виде того, насколько Он поглощен делами Своего Небесного Отца, но Иисус во всем подчинялся им и слушался их. И здесь мы вновь видим ясное различие между сверхъестественным чудом истории и неестественными фантазиями апокрифических книг, согласно которым Иисус грамотно отвечал на коварные вопросы книжников по астрономии, медицине, физике и философии.

Внешнее окружение и условия, в которых проходила Его юность, резко контрастируют с поразительным итогом Его последующей жизни открытого служения. Он рос тихо и незаметно в отдаленной горной деревушке в Галилее, незначительность которой вошла в поговорку, трудился в непритязательной плотницкой мастерской, вдалеке от Иерусалима, от школ и библиотек, лишенный всякой возможности учиться. Ему было доступно лишь то, что было доступно даже беднейшему еврею,— забота любящих родителей, красота природы, собрания в синагоге, тайное общение души с Богом и ветхозаветные Писания, в образах и пророчествах говорившие о Его личности и миссии. Все попытки обнаружить истоки Его учения в философских школах и сектах того времени окончились полным провалом. Если Он ссылался на предания старцев, то лишь с одной целью — противостать им. Он был одинаково не похож на фарисеев и саддукеев, и они испытывали к Нему смертельную вражду. С ессеями Он никогда не соприкасался. Он не зависел от человеческого образования и литературы, от школ и партий. Он не был обязан миру ничем и вместе с тем учил этот мир. Он пришел с небес и говорил от полноты Своего личного общения с великим Богом-Отцом. Он не был ни ученым, ни оратором; и все же Он был мудрее всех мудрецов, говорил так, как не мог говорить никто из людей, и произвел на Свою эпоху и на все последующие века такое воздействие, какого не производил и не мог произвести ни один человек. Вот причина естественного удивления Его соотечественников, выразившегося в вопросе: «Откуда же у Него все это?» «Как Он знает Писания, не учившись?» (Матф. 13, 54–56; Иоан. 7, 15).

Он начал Свое публичное служение на тридцатом году жизни, а перед тем был крещен Иоанном и во время этого крещения торжественно провозглашен Мессией. Затем Он выдержал соответствующее испытание в пустыне, подобное искушению Адама в раю. Его служение длилось всего три с половиной года, но в этих трех годах сосредоточен глубочайший смысл. Ни одна великая жизнь не проходила так быстро, так тихо и скромно, не была столь далека от шума и суеты мира; и ни одна великая жизнь по своем завершении не вызывала такого всеобщего и неубывающего интереса. Он знал об этом контрасте: Он предсказывал, что Его ждет глубочайшее унижение — вплоть до смерти на кресте и что

* Янус — в древнеримской мифологии двуликий бог дверей, входов, выходов, начала и конца. Когда объявлялась война, царь или консул отпирал ключом тяжелые двойные дубовые двери храма Януса и перед ликами бога под арками проходили отправлявшиеся на войну вооруженные солдаты. В продолжение всей войны ворота храма стояли открытыми. Когда заключался мир, то вернувшиеся войска вновь проходили перед статуей бога и храм вновь запирался на ключ.

** Форум — главная площадь в городах Древнего Рима.

впоследствии этот крест будет неодолимо притягивать к себе человеческие души — убедиться в этом можно в любой день и в любом месте, где известно Его имя. Он, Который мог сказать: «И когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе» (Иоан. 12, 32),— знал о течении истории и человеческом сердце больше, чем все мудрецы и законодатели до или после Него.

Иисус Христос избрал двенадцать апостолов для евреев и семьдесят учеников для язычников не из числа ученых и вождей, некоторые из них были всего лишь обычными рыбаками. У Него не было дома, не было материальной собственности, не было друзей среди могущественных и богатых. Его кошелек время от времени пополняли несколько благочестивых женщин, а находился этот кошелек в руках вора и предателя. Христос проводил время с мытарями и грешниками, чтобы обратить их к лучшей и более возвышенной жизни, и начал Свою деятельность среди низших классов, презираемых и пренебрегаемых надменными священниками того времени. Он никогда не искал благосклонности сильных мира сего, но навлекал на Себя их ненависть и гонения. Он никогда не льстил, но обличал грех и порок в людях всякого звания, обращаясь с самыми суровыми словами к слепым вождям слепых, самодовольным лицемерам, занявшим Моисеево седалище. Он никогда не поощрял плотские мессианские надежды людей; напротив, когда они хотели сделать Его царем, Он отказался и объявил перед представителем Римской империи, что Его Царство не от мира сего. Он предсказал ученикам Свою мученическую смерть и обещал им в этой жизни лишь такое же крещение кровью. Он странствовал по Палестине, зачастую утомляясь в дороге, но никогда не уставая от служения любви, принося добро душам и телам людей, произнося слова духа и жизни и совершая чудеса силы и милосердия.

Он проповедовал чистейшее учение как непосредственное откровение Своего Небесного Отца с силой и властью, которые требовали безусловного доверия и послушания. Он поднялся над предрассудками партий и сект, над суевериями Своего времени и народа. Он обращался к ничем не защищенному сердцу человека и прикасался к самым чувствительным участкам совести. Он возвестил пришествие духовного Царства, которому предстоит вырасти из маленького семечка в могучее дерево,— Царства, которое, словно действующая изнутри закваска, постепенно распространится по всем народам и странам. Он твердо придерживался этого грандиозного замысла, который не мог родиться в голове обычного человека, и Он оставался верен ему даже в минуты самого страшного унижения,

когда стоял перед судом иудейского первосвященника и римским прокуратором и когда Его, словно злодея, распинали на кресте. Об исполнении этого замысла свидетельствует каждая страница истории церкви.

Чудеса или знамения, которыми сопровождалась Его проповедь, сверхъестественны, но вовсе не противоестественны: в них проявлялась Его власть над человеком и природой — не нарушение закона, а проявление высшего закона, превосходство разума над материей, превосходство духа над разумом, превосходство Божественной благодати над человеческой природой. Все они имеют высочайшее нравственное и глубоко символическое значение, обусловлены исключительно благой волей и направлены на благо людей, в отличие от лукавого мошенничества и бесполезных, бессмысленных чудес, о которых говорится в апокрифической литературе. В Его чудесах не было никакого хвастовства, они совершались с такой свободой и легкостью, что их называют попросту Его «делами». Они были осязаемым подтверждением того, чему Он учил, и естественным отражением Его неповторимой личности.

Его учение и чудеса подкреплялись чистотой и святостью Его жизни. Он мог сказать даже Своим злейшим врагам: «Кто из вас обличит Меня в неправде?» — хорошо зная, что Его невозможно упрекнуть ни в малейшем грехе.

Венцом Его деятельной праведности стало добровольное послушание на кресте, когда Он с готовностью покорился святой воле Бога. Он был ненавидим и гоним иудейскими священниками, предан в их руки Иудой, обвинен лжесвидетелями, осужден синедрионом, отвергнут народом, оставлен Петром, хотя представитель римского закона и права провозгласил Его праведным и только плачущая мать и верные ученики были рядом с Ним. Словом и молчанием Он проявил в этот мрачный час кротость агнца и достоинство Бога. С молитвой за убивающих Его Он вверил душу Небесному Отцу и умер со словами: «Совершилось!» Он умер прежде, чем достиг зенита человеческой жизни. Спаситель мира умер молодым! Он умер постыдной смертью на кресте, праведный за неправедных, невинный за виновных, добровольно принеся Себя в жертву бесконечной любви, чтобы примирить мир с Богом. Он победил грех и смерть на их территории и тем самым искупил и освятил всех, кто готов принять Его дар и последовать Его примеру. Он учредил вечерю Господню, чтобы увековечить память о Своей смерти, а также об очистительной и искупительной силе Своей Крови.

На третий день Он воскрес из мертвых, Победитель смерти и ада, Князь жизни и воскресения. Он

неоднократно являлся Своим ученикам; Он поручил им проповедовать благую весть воскресения всякой твари; Он занял Свой небесный престол и через сошествие Святого Духа основал Церковь, которую с тех пор всегда защищал, питал и утешал, которую обещал не оставлять; Он вернется в славе, чтобы судить живых и мертвых.

Таков лишь скудный конспект истории, которая рассказана евангелистами с детской простотой, но которая по длительности и силе воздействия превзошла самое изысканное мастерство писателя-историка. Евангелисты скромно воздержались от привнесения собственных впечатлений в летопись слов и дел Господа, Чью славу, как Единородного от Отца, полного благодати и истины, они видели (Иоан. 1, 14).

Кто не испытает трепета, принимаясь за описание нравственного образа Иисуса? И кто, предприняв такую попытку, не будет разочарован результатом? Кто сможет уместить в ведре целый океан? Кто, как сказал некто, «может отобразить в рисунке углем славу восходящего солнца»? Никакой выдуманный писателем идеальный образ в этом случае не сравнится с реальностью, даже если этот идеал превосходит любую другую реальность. Чем более хорош и свят человек, тем острее он чувствует, насколько он нуждается в прощении, насколько он не соответствует даже своим собственным несовершенным представлениям о добродетели. Но Иисус, имевший такую же природу, как наша, и подвергавшийся таким же искушениям, как и мы, ни разу не поддался искушению; у Него никогда не было повода сожалеть о каких-либо Своих мыслях, словах или поступках; Он никогда не нуждался в прощении, обращении или исправлении; Он никогда не терял гармоничной связи со Своим Небесным Отцом. Вся Его жизнь была одним непрерывным проявлением причастности к славе Бога и посвященности вечному благоденствию Его собратьев по человеческой природе. Самый полный список Его добродетелей и достоинств даст нам лишь формальное представление о Нем. Безупречная чистота и безгрешность Иисуса, о которой свидетельствовали и друзья, и враги, совершенная гармония и уравновешенность всех Его прекрасных качеств, достоинства и смирения, силы и нежности, величия и простоты, самообладания и покорности, активной и пассивной добродетели — одним словом, Его абсолютное совершенство выводит образ Иисуса далеко за пределы досягаемости всех остальных людей и делает Его исключением из всеобщего правила, нравственным чудом истории. Бесполезно сравнивать Его со святыми и мудрецами древности или современности. Даже безбожник Руссо был вынужден воскликнуть: «Если Сократ жил и умер как мудрец, то Иисус жил и умер как Бог». Здесь кроется нечто большее, нежели звездное небо над нами и нравственный закон внутри нас, который наполнял душу Канта* непрерывно возраставшим благоговением и трепетом. Здесь Святое-Святых человечества, врата в самые небеса.

Зайдя столь далеко в признании человеческого совершенства Христа — а как может историк поступить иначе? — мы не можем не согласиться с правотой Его поразительных слов о Себе, ведь если Его претензии несправедливы, значит для восхищения и почитания, которые выражают Ему люди во всем мире, нет никаких причин. Историк не может воссоздать жизнь Христа, не признав ее сверхъестественной и чудесной природы.

Признание Божества Христа и Его служения как Искупителя относятся к области веры, а потому стоят выше логических или математических доказательств. Воплощение, или соединение в одном лице бесконечного Божества и конечной человеческой природы,— поистине тайна из тайн. Как говорил один из богословов раннехристианской церкви: «Что может быть славнее Бога? Что может быть отвратительнее плоти? Что может быть чудеснее Бога во плоти?» Если оставить в стороне всякое догматизирование, которое находится вне компетенции историка, Божество Христа способно говорить само за себя и производит неизгладимое впечатление на деятельный ум исследователя-историка, отрицание же Божества Христа превращает Его личность в необъяснимую загадку.

Божество Христа подтверждается Его собственным свидетельством о Себе. Только задумайтесь над этим! Он называет Себя давно обещанным Мессией, исполнившим закон и пророков, Основателем и Законодателем нового и вселенского Царства, Светом миру, Учителем всех времен и народов, авторитет Которого не подлежит обсуждению. Он утверждает, что пришел в этот мир с целью спасти его от греха — ни один простой человек не может это сделать. Он претендует на власть прощать грехи на земле. Он часто пользовался этой властью, и именно за грехи человечества, как Он и предсказывал, пролил Свою кровь. Он призывает всех людей следовать за Ним и обещает мир и жизнь вечную всякому, кто верит в Него. Он утверждает, что существовал прежде Авраама и прежде сотворения мира. Он претендует на Божественные имена, Божественные качества и на поклонение людей. С креста Он распоряжается местами в раю.

* Известный немецкий философ Иммануил Кант заметил однажды, что есть всего две вещи, достойные подлинного удивления и восхищения: звездное небо над нами и нравственный закон внутри нас.

Посылая учеников крестить все народы, Он ставит Себя в один ряд с вечным Отцом и Божественным Духом и обещает быть с учениками до скончания века и вновь прийти в славе в качестве Судьи человечества. Он, самый смиренный и кроткий из людей, высказывает эти претензии самым простым и естественным образом; Он никогда не колеблется, никогда не извиняется, никогда не оправдывается; Его слова о Себе звучат как истины, не требующие доказательств. Мы перечитываем их вновь и вновь и не чувствуем никакой неуместности, мысль о надменности и самонадеянности даже не приходит нам в голову.

Но если это свидетельство Христа о Себе не истинно, оно может быть только откровенным богохульством или безумием. Первое предположение несовместимо с нравственной чистотой и достоинством Иисуса, которые присутствуют во всех Его словах и делах и единодушно признаны во всем мире. Возможность самообмана в столь важном вопросе тоже исключена, тем более что речь идет о разуме, исключительно ясном и здравом во всех отношениях. Как может быть фанатиком или безумцем Тот, Кто никогда не утрачивал равновесия ума, Кто спокойно шествовал выше всех неприятностей и гонений, словно солнце над облаками, Кто всегда давал мудрые ответы на коварные вопросы, Кто спокойно и осознанно предсказал Свою крестную смерть, Свое воскресение на третий день, сошествие Святого Духа, основание Церкви, разрушение Иерусалима? — и все эти предсказания в точности исполнились. Столь самобытный, столь целостный, столь последовательный во всем, столь совершенный, столь человечный, но при этом настолько превосходящий всякое человеческое величие образ невозможно ни сфальсифицировать, ни выдумать. Как кто-то хорошо сказал, поэт в таком случае превзойдет своего героя. Нужно быть больше чем Иисусом, чтобы выдумать Иисуса.

В таком случае нам не остается ничего другого, кроме как признать Божественность Христа. Сам рассудок должен замолчать, в благоговении склоняясь перед словами: «Я и Отец — одно»,— и вместе с Фомой ответить: «Господь мой и Бог мой!»

Такой вывод подтверждается влиянием Его жизни, намного превосходящим любые чисто человеческие способности и возможности. История христианства с ее бессчетными примерами жизни любви и истины, более возвышенной и чистой, нежели все известное за пределами христианского влияния,— это непрерывный комментарий к жизни Христа, и каждая ее страница свидетельствует о Богодухновенности Его святого примера. Каждый день Его сила вновь и вновь, не иссякая, присутствует в десятках тысяч церквей, в царских дворцах и нищих лачугах, в университетах и колледжах, в каждой школе, где читается Нагорная проповедь, в тюрьмах, в сиротских приютах, равно как и в счастливых домах. Она явлена и в ученых трудах, и в простых брошюрах. Наша история имеет какую-то ценность лишь потому, что она вновь свидетельствует: Христос — свет и жизнь падшего мира.

Нет никаких признаков того, что Его сила убывает. Его Царство сегодня занимает большую территорию, чем когда-либо в прошлом, и имеет все предпосылки к тому, чтобы, в конце концов, восторжествовать на всей земле. Говорят, на острове Святой Елены Наполеона поразила мысль о том, что миллионы людей готовы отдать свою жизнь за распятого Назарянина, Который создал духовную империю любовью, но никто не умрет за Александра, или за Цезаря, или за него самого — за тех, кто строил преходящие империи силой. В этом противопоставлении Наполеон увидел убедительный довод в пользу Божественности Христа и сказал: «Я знаю людей, и я говорю вам, что Христос не был человеком. Все в Христе изумляет меня. Его Дух переполняет меня и приводит в смятение. Его нельзя сравнивать ни с каким другим существом. Он — Один-Единственный». Гёте, личность совершенно иного плана, которого, однако, столь же трудно заподозрить в симпатиях к религии, в последние годы своей жизни оглянулся на бескрайние просторы истории и был вынужден признать, что «если Бог когда-нибудь появлялся на земле, это произошло в лице Христа» и что «человеческому разуму, как бы далеко он ни продвинулся во всех прочих областях, никогда не превзойти высоты и нравственной культуры христианства, которые сияют и светят нам в Евангелии».

Попытки рационалистически и мифологически объяснить жизнь Христа с чисто человеческих и естественных позиций, а также низвести ее чудесные элементы до уровня обычных событий или невинных выдумок разбивались о камень личности и свидетельства Христа. Самые способные из безбожников, составлявших жизнеописания Иисуса, ныне испытывают глубочайшее уважение к Его личности и превозносят Его как величайшего мудреца и святого, когда-либо жившего на земле. Но, отвергая свидетельство Христа о Его Божественном происхождении и предназначении, они делают Его лжецом. Отвергая же чудо Его воскресения, они превращают великий факт существования христианства в реку без истоков, в дом без фундамента, в следствие без причины. Отрицая реальность чудес, они надеются, что мы поверим в еще большие чудеса психологии; сверхъестественное историческое

чудо они подменяют противоестественным и невероятно абсурдным образом вундеркинда, который сами же и придумали. Более того, они при этом не могут прийти к согласию и опровергают друг друга. История заблуждений — это история самоуничтожения. Едва успевала созреть одна гипотеза, как ее место занимала другая, чтобы, в свою очередь, разделить ту же судьбу; древняя же истина и христианская вера остается непоколебимой и продолжает свой мирный завоевательный поход против греха и заблуждения.

Поистине, Иисус Христос, Христос Евангелий, Христос исторический, распятый и воскресший, Христос — Бог и человек — это самый реальный, самый достоверный, самый благословенный из всех фактов. И этот факт представляет собой вездесущую и растущую силу, которая наполняет Церковь и завоевывает мир и которая является лучшим доказательством своей реальности, подобно солнцу, сияющему в небесах. Этот факт — единственное решение ужасной тайны греха и смерти, единственное вдохновение для святой жизни, исполненной любви к Богу и людям, единственный путь к счастью и миру. Учения, созданные человеческой мудростью, будут приходить и уходить, царства и империи будут возникать и разрушаться, но Христос на все времена останется путем, истиной и жизнью (Иоан. 14, 6).

В мой тихий дом не надо мне
Ни серебра, ни злата,
Чтобы считать его втайне,
Дрожать над ним и прятать.

Не надо дорогих камней,
Ни редких украшений.
Верны они не будут мне
Во дни моих лишений.

Не надо мебели резной,
Ни вазы мне хрустальной.
Кто сядет есть и пить со мной
В мой жизни день печальный?

Не надо шумной славы мне,
Ни друга побогаче.
Кто сядет рядом в тишине
Со мной, когда я плачу?

Не надо мне мирских утех,
Что голову туманят.
Когда к душе крадется грех,
Кто руку мне протянет?

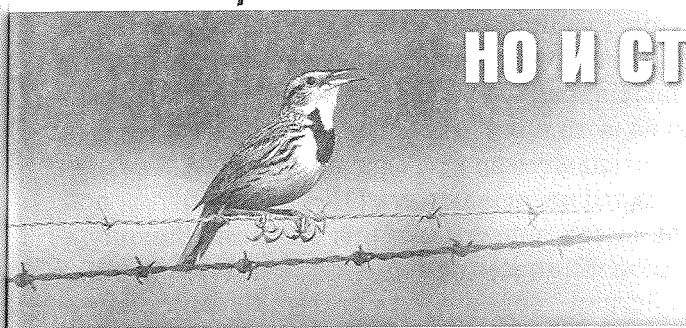
Но золото такое есть,
Есть Камень драгоценный,
Цену его не может счесть
Никто во всей вселенной.

Но Друг на свете есть такой,
Такое утешенье,
Что исцелит недуг любой,
Любой души смятенье.

В любой нужде Он даст совет,
Поднимет, путь укажет.
Он усмиряет бури бед,
С Ним путь тернистый глаже.

Он за меня мой грех понес,
Меня Он не оставит.
Мой лучший Друг – Иисус Христос –
Сияет в вечной славе.

Ради Христа не только веровать, но и страдать



Благословен Бог, Который послал Своего Единородного Сына на землю, чтобы спасти людей, сидящих во тьме и тени смертной, находящихся в рабстве греха и пороков. Библия говорит, что свои Его не приняли, но осудили и руками беззаконных распяли. Но Бог воскресил Его и соделал Его Господом и Христом. Теперь Он — наш Спаситель, Он — наша надежда, Он — наш Пастырь. Поклонение, и честь, и держава единому Богу!

По воскресении Своем Иисус, наш Спаситель и Господь, сказал: «...Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас» (Иоан. 20, 21). Как могущественно действовала сила воскресения Христова в учениках, последовавших за Иисусом! Не боясь убивающих тело, христиане несли погибающим Слово о спасении через веру в Иисуса Христа. К этому служению приобщались уверовавшие из народов, живущих на севере и на юге, на востоке и на западе, в разные эпохи и во время различных политических систем. Путь Церкви обильно полит слезами и кровью святых.

Господь многократно разрушал советы язычников, замыслы сильных правителей и народов по уничтожению Церкви. Около ста лет назад в нашей стране образовалась политическая система, поставившая перед собой цель создать нового человека, искоренив из сердец народа веру в Бога. Обещали, что новый политический строй приведет мир к светлому будущему, однако он привел к беспрецедентному кровопролитию, когда в мирное время были уничтожены миллионы людей. Но веру в любящего Бога уничтожить не смогли.

Когда же народ Божий, как и не раз в древности, в час смертельной опасности для Церкви взыскал Бога, когда христиане обратились к Господу, освятились, очистились и в покаянии вернулись на путь покорности Богу, независимости от мира и полной зависимости от Главы Церкви — Иисуса Христа, обстановка изменилась. Церковь жива, а та политическая система разрушилась. Снова и снова подтверждаются слова Господа Иисуса: «...Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Матф. 16, 18).

Сегодня Церковь вновь вошла в период гонений. Законодатели, поместив в закон «О внесении изменений в Федеральный закон „О противодействии терроризму“» статью 8: «Миссионерская деятельность» и другие статьи о религиозной деятельности,— приравняли к терроризму несанкционированную проповедь Евангелия, проведение молитвенных собраний* и любую беседу о Боге за пределами официально отведенных мест для богослужений. Мирных граждан, молящихся Богу или говорящих о Боге, причислили к террористам. Террористов не штрафуют — их уничтожают морально, финансово, физически. Значит этот закон предназначен для осуществления этой цели и по отношению к христианам.

Президент еще не успел подписать закон, как в Госдуму поступил новый проект закона об обязательной регистрации всех религиозных объединений.**

Как нам понимать происходящее?

Еще в древности пророки испытывали поругания и побои, а также проходили через узы и сидели в темницах, были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке, умирали от меча, скитались в милотях и козьих кожах, терпели недостатки, скорби и озлобления (Евр. 11, 36–38).

Господь Иисус объясняет эту ситуацию так: «...если Меня гнали, будут гнать и вас... Но все то сделают вам за имя Мое...» (Иоан. 15, 20–21). Как Иисуса, Которого мы любим, причислили к злодеям, так и нас.

* В последний момент пункт о молитвенных собраниях был удален.

** 18 октября 2016 года было принято решение снять законопроект с рассмотрения Государственной Думы. Но можно ожидать, что подобные законопроекты еще могут появиться.

Апостолы приняли это завещание и наставляли верующих: «Возлюбленные! огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного» (1 Петр. 4, 12–16).

Люди, восставшие на Церковь Христову, знают, что нам чужда идеология терроризма. Но под предлогом борьбы с терроризмом они снова хотят Церковь, отделенную от государства, поставить под контроль государства, лишить ее Главы — Иисуса Христа — и одолеть Церковь, чтобы на земле больше не упоминалось имя Господа Иисуса, Спасителя мира, Которому Бог дал всякую власть на небе и на земле.

У нашего Господа цель другая, и она будет достигнута. В трудное время люди, чтущие своего Бога, усилятся и будут действовать! И «разумные из народа... будут несколько времени страдать от меча и огня, от плена и грабежа... Пострадают... для испытания их, очищения и для убеления к последнему времени...» (Дан. 11, 32–35). Господь обращается к нам с такими словами: «Не бойтесь и не ужасайтесь множества сего великого, ибо не ваша война, а Божия» (2 Пар. 20, 15).

Входя в новый период испытаний, нам надо сохранить упование, которому предстоит великое воздаяние. Добрым примером верности нам нужно передать подрастающему поколению принятое нами Слово и доброе наставление в вере, чтобы потом они в свою очередь могли привить своим детям любовь к Создателю.

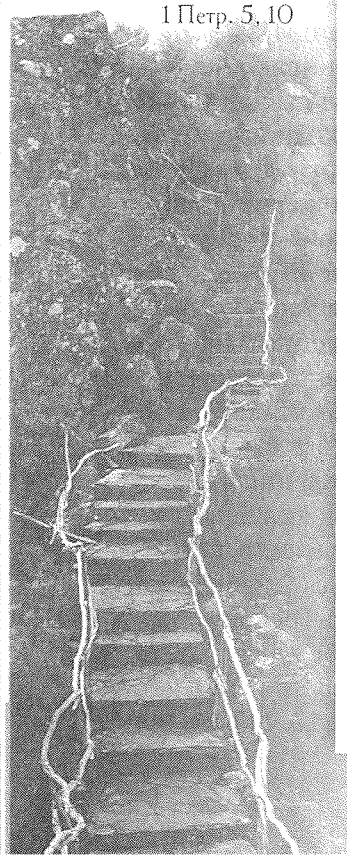
Возлюбленные! Чтобы сатана не причинил нам ущерба, необходимо обновить наше хождение перед Богом. Под добрым наставлением Слова Божьего и Духа Святого исследовать себя и отступить от всякой неправды, очистить нашу совесть от всякой нечистоты, чтобы нелицемерно любить всех святых от чистого сердца.

Всем, у кого заботы житейские заглушают стремление к небесному, вспомнить, что Христос за всех умер, чтобы живущие уже не для себя жили, но для Умершего за них и Воскресшего, вспомнить, откуда ниспали, покаяться и впредь покориться Слову Божьему, водительству Духа Святого и во всем угождать Господу.

Вспомним, что наши братья побеждали и побеждают древнего змея Кровью Агнца, словом свидетельства своего и тем, что не возлюбили жизни своей даже до смерти (Откр. 12, 11), помня

Бог же всякой благодати, призвавший нас в вечную славу Свою во Христе Иисусе, Сам, по кратковременном страдании вашем, да совершит вас, да утвердит, да укрепит, да соделает непоколебимыми.

1 Петр. 5, 10



слова Иисуса: «Ибо кто хочет душу [жизнь] свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее» (Матф. 16, 25). Весьма уязвим для раскаленных стрел лукавого человек, который не отрешился от всего и не имеет в себе приговора к смерти.

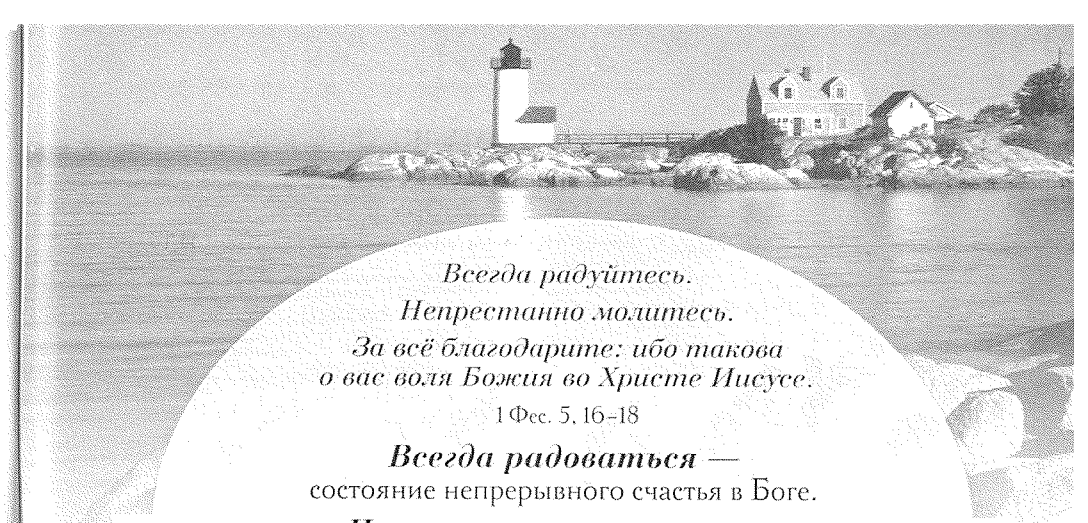
Возлюбленные! Господь сказал нам: «Да не смущается сердце ваше; веруйте в Бога и в Меня веруйте» (Иоан. 14, 1–3). Жившие до нас, как бы видя Невидимого, оставались твердыми. «Не страшитесь ни в чем противников: это для них есть предзнаменование погибели, а для вас — спасения. И это от Бога, потому что вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него» (Фил. 1, 28–29).

Святые и возлюбленные! То, что руководство нашей страны причислило христиан к террористам, свидетельствует о том, что этот закон сопоставим с указом Артаксеркса, который повелел истребить всех чтущих Бога, всех хранящих верность Ему. Будем твердо стоять за города Бога нашего, а Господь сделает, что Ему угодно!

В таких обстоятельствах христиане молились: «Что мятутся язычники, и народы замышляют тщетное? Восстали цари земные, и князи собрались вместе на Господа и на Христа Его... И ныне, Господи, воззри на угрозы их, и дай рабам Твоим со всею смелостью говорить слово Твое» (Д. Ап. 4: 25–26, 29).

Иисус сказал также: «А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Матф. 5, 44).

Так откроется, что мы дети Божьи, а не мира сего, так как в этом мире не принято благословлять обижающих.



Всегда радуйтесь.
Непрестанно молитесь.
За всё благодарите: ибо такова
о вас воля Божия во Христе Иисусе.

1 Фес. 5, 16–18

Всегда радоваться —
состояние непрерывного счастья в Боге.

Непрестанно молиться —
плод неослабевающей радости в Господе.

За всё благодарить —
плод двух предыдущих действий.

Эти действия присущи портрету идеального христианина. Нам в нашей жизни нужно приложить всё старание, чтобы достигнуть этого состояния. Наш Господь Своей смертью приобрел для нас не только праведность, но и радость. Это и есть суть и замысел Евангелия – чтобы, будучи спасенными от вины, мы могли радоваться в любви Христовой.

Благодарность неотделима от истинной молитвы: она всегда тесно с ней связана. Тот, кто всегда молится, всегда воздает и хвалу, причем как будучи здоровым, так и тогда, когда ему приходится терпеть боль; как в период процветания, так и среди бедствия. Такой христианин благословляет Бога за всё, что с ним происходит, воспринимая это как из Его руки. Он принимает и терпит все только ради Него; он сам ничего не выбирает и ни от чего не отказывается, его решения не основаны на том, нравится ему что-то или нет, но только на том, угодно ли это Богу.

Способность практиковать жизнь ничем не прерываемой радости в Господе, воспринимать окружающие обстоятельства как то, что приходит из Его руки, и благодарить за них Бога – это и есть христианская зрелость.

Согласно Божьему плану в нашей жизни нет случайностей. Ничто, абсолютно ничто, каким бы странным, непоследовательным и плохим это нам ни казалось, не происходит без Божьего на то согласия.

Путь в Небо МСЦ ЕХБ

Не бойтесь зажигать во тьме свечи,
Не бойтесь, чтобы зло любовь гасила,
Не бойтесь Божьему добру учить,—
Не может тьма объять никак Господню силу.

Не бойтесь весть спасения нести,
Не бойтесь мнения иметь иные,
Не бойтесь вверх по терниям идти,—
В Отчизну светлую тесны врата земные.

Не бойтесь Бога обо всем просить,
Не бойтесь видеть слабость в человеке,
Не бойтесь всех вы искренне простить,—
Ведь наш Господь простил поверивших навеки.

Не бойтесь в дверь стучаться и искать,
Не бойтесь разжигать для веры пламень,
Не бойтесь брать Господню благодать,—
Просящим даст Господь лишь блага, а не камень.

Не бойтесь вдруг за правду пострадать,
Не бойтесь прах оставить, не жалея,
Не бойтесь щедро все другим отдать,—
В любви блаженнее давать, чем брать имея.

Не бойтесь вы мириться на пути,
Не бойтесь в жизни скорби и печалей,
Не бойтесь так с другими поступить,
Как вы хотите, чтобы с вами поступали.

Не бойтесь мир искать и созидать,
Не бойтесь быть смиреннее, чем прежде,
Не бойтесь зерна с верою бросать,—
Пожнем когда-то, если сеяли в надежде.

Не бойтесь Божьей благостью сверкать,
Не бойтесь, когда совесть дух тревожит,
Не бойтесь Царства Божия искать,—
Все остальное Бог по милости приложит.